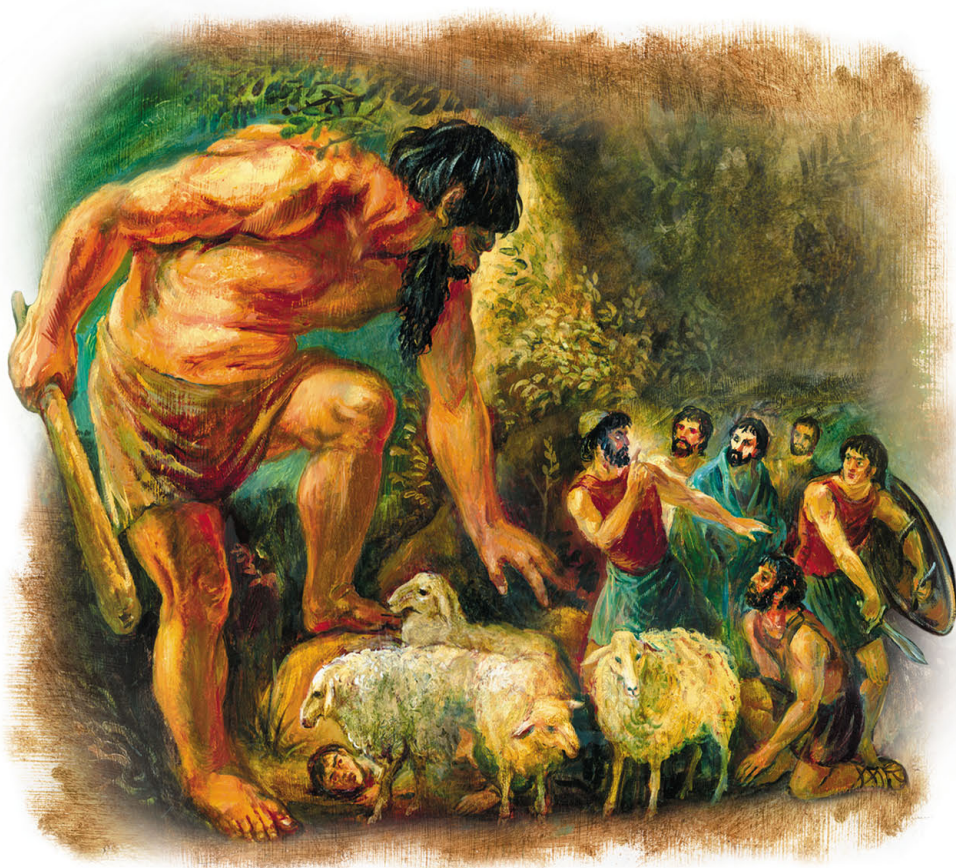

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДИССЕЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДИССЕЯ

Иллюстрации Григория Мацыгина

ЭКСМО
Москва
2011

Сказание о Трое

Между горными отрогами Иды и Гелеспонтом стоял некогда на высоком холме город Илион, или Троя, окружённый крепкими высокими стенами, с могучей крепостью, называемой Пергам.

Царствовал в Трое могучий Приам со своей женой Гекубой. Жил он в богатом, прекрасном дворце, окружённый большой семьёй, и считался одним из самых счастливых людей на земле.

Один из сыновей троянского царя Приама вырос среди простых пастухов. Перед его рождением было Приаму предсказано, что родится у него сын, из-за которого погибнет однажды могучая Троя и царству его настанет конец. И вот, когда у Гекубы родился сын, позвал Приам одного из своих пастухов и велел ему отнести младенца на вершину горы Иды и там его бросить.

Прошло пять лет, и царский пастух нашёл мальчика живым и невредимым — его выкормила в горном лесу медведица. Взял пастух мальчика к себе, назвал его Парисом и воспитал его вместо родного сына.

Однажды сошлись на горе Пелион все небожители, чтобы пировать на свадьбе у Пелея, сына Эака, строителя стен троянских; Пелей женился на дочери морского старца Нерея Фетиде. Не было на весёлом

празднике только одной Эриды, богини раздора, исключённой из сонма богов, и она, бродя вокруг горы Пелион, замышляла месть.

Она подошла, никем не замеченная, к собранью богов и бросила золотое яблоко, сорванное в саду гесперид, и было написано на том яблоке: «Самой прекрасной из всех». И поднялись тотчас три богини — Гера, Афина и Афродита, и все три стали спорить о том, кому должно принадлежать это яблоко.

Зевс не захотел быть в этом споре судьёй. Он передал яблоко юному Гермесу и велел ему отправиться вместе с тремя спорившими между собой богинями в троянскую землю, на гору Иду, и предложить пастуху Парису разрешить спор, кому из трёх богинь должно принадлежать золотое яблоко.

И вот, когда Парис пас быков и овец, он увидел, что к нему приближается вестник богов Гермес, а с ним вместе идут три богини. Гермес объяснил ему, что послан Зевсом-громовержцем, с тем чтоб Парис решил, кто из этих трёх богинь самая прекрасная, и отдал бы той, которую он признает красивейшей, золотое яблоко. Отдал Гермес Парису яблоко и исчез.

И вот отдал Парис золотое яблоко Афродите, что показалась ему прекрасней всех и обещала дать ему в жёны Елену, самую прекрасную из всех женщин на земле.

Возненавидели тогда Париса Афина и Гера и стали думать о том, как бы им погубить родину Париса — могучую, высокохолмистую Трою.

Часто вспоминала Гекуба о своём сыне. Чтобы развлечь жену, Приам учредил в память о сыне боевые состязания и назначил в награду победителю лучшего из своих быков, пасшихся на горе Иде.

Самый красивый бык пасся в стаде Париса, и юноша решил сам отвести своего быка в город. Придя в Трою и увидев состязания самых знатных юношей Трои и соседних городов, Парис решил испробовать свою силу и ловкость. Он выступил в играх, победил всех молодых, знатных троянцев.

Один из царевичей обиделся, что простой пастух оказался сильнее его, и бросился на него с мечом. Но Парис подбежал к алтарю Зевса; в это время там стояла одна из дочерей Приама, Кассандра, и она узнала в прекрасном юноше Парисе царского сына. И вот из простого пастуха он сделался троянским царевичем и стал жить в царском доме у своего отца Приама.

Услыхав о красоте прекрасной Елены, дочери Леды и Зевса, Парис решил однажды отправиться к спартанскому царю Менелаю, который был её мужем, чтобы похитить её и увезти на корабле в Трою. Снарядил Парис большой крепкий корабль и отправился на нём к берегам Эллады.

Радужно принял Париса гостеприимный Менелай, и во время пира Парис впервые уви-

дел Елену и поднёс ей дорогие дары. И вот, когда Менелай уехал на время из царского дома на остров Крит, Парис убедил Елену бежать с ним в Трою. Елена согласилась, и Парис тайно увёз её на корабле из Спарты.

Во время плавания в Трою корабль Париса остановил бог Нерей и предвестил Парису войну против Трои и гибель царства Приама.

Вестница богов Ирида дала знать царю Менелаю о том, что в доме его случилось несчастье. Тотчас он покинул Крит, возвратился в Спарту и увидел, что Елена сбежала от него.

Тогда он обратился за помощью к своему брату Агамемнону, могучему царю Микен. Агамемнон посоветовал ему идти немедленно войной на Трою и призвать на помощь себе всех царей Эллады.

Собралось в Авлиде великое войско ахейцев и отплыло на тысяче ста кораблях со своими дружинами в далёкую Трою — и вскоре началась длительная война ахейцев против троянцев.

Целых девять лет прошло уже с тех пор, как началась война ахейцев против Трои, и много героев пало под стенами её могучей твердыни — Пергама. Но на десятом году между вождями ахейцев начались распри — между первым военным вождём и царём Агамемноном и самым сильным из ахейских героев Ахиллом. Они поссо-

рились в день победы, а началась ссора из-за дележа военной добычи.

И вот оскорблённый Ахилл объявил, что он отныне отказывается сражаться, и попросил свою мать Фетиду умолить всемогущего громовержца Зевса, чтобы победа досталась троянцам. Зевс исполнил её просьбу, и ахейцы были отражены троянским вождём Гектором, и в стане ахейцев с той поры начались неудачи и беды.

Тогда отправил Агамемнон к разгневанному Ахиллу хитроумного Одиссея, но Ахилл остался непреклонным и отказал в помощи даже тогда, когда Гектор осадил стан ахейцев и грозил поджечь их корабли. Лишь когда один из них уже был охвачен огнём, Ахилл внял просьбе своего друга Патрокла и позволил ему, облачившись в его доспехи, поспешить на помощь осаждённым друзьям.

Троянцы приняли Патрокла за самого Ахилла, и ему удалось отогнать от ахейского стана напуганных троянцев. Но Патрокл зашёл со своим войском слишком далеко и был убит Гектором, который снял с него доспехи Ахилла.

Ахилл решил отомстить за своего погибшего друга Патрокла и помирился с вождём Агамемноном.

Облачившись в новые доспехи, выкованные для него искусным Гефестом, он, разгневанный, ринулся в бой. И погибло

немало троянцев в кровавом бою, лишь немногим из них удалось отступить и искать спасения за стенами Трои.

Только один неустрашимый Гектор осмелился остаться у городских ворот и встретить своего противника. Но храбрость его не спасла. В последней отчаянной схватке он пал, сражённый копьём стремительного Ахилла.

Вскоре явились на помощь Трое войска мужественных амазонок под предводительством воинственной Пенфесилеи. Начались новые битвы. Во главе троянцев стояла Пенфесилея, а во главе ахейского войска — Ахилл и Аякс, но пала в бою с непобедимым героем отважная Пенфесилея.

Радуюсь своим неизменным победам, Ахилл во главе ахейского войска подступил к высоким стенам Трои, но вскоре был ранен стрелой Париса, направленной самим Аполлоном. Стрела попала Ахиллу в пятку, за которую когда-то держала мать Ахилла младенца, окуная его в воды реки Стикс, отчего всё его тело, за исключением пятки, стало неуязвимым для оружия.

Тогда войско ахейцев, предводимое Аяксом и Одиссеем, дружно напало на троянцев. Жестокая битва длилась целый день, и наконец удалось ахейцам спасти тело Ахилла и его доспехи.

Были устроены в память Ахилла пышные погребальные игры, а доспехи его было

решено отдать тому, кто больше других помог, чтобы отнять у врагов его тело, и кто был самым достойным в его войске. Призвали пленных троянцев решить, кто из двух, Одиссей или Аякс, наиболее достоин получить доспехи Ахилла. И решили троянцы спор в пользу Одиссея.

Тогда разгневанный Аякс, считая, что спор был решён неверно, впал в отчаяние и, оскорблённый, ушёл на берег моря и там пронзил себе грудь мечом.

Смерть могучего Ахилла и гибель героя Аякса ослабили силу ахейцев, а Троя ещё не сдавалась.

После смерти героев Одиссей стал во главе ахейского войска. Но утомились ахейцы и защитники Трои от бесчисленных битв.

В одном из сражений пал, пронзённый смертоносной стрелой, Парис. И ничего не могли ахейцы сделать, чтобы взять могучую Трою. Видя, что город взять невозможно, Одиссей решил действовать хитростью. Переодевшись нищим, он пробрался незаметно в Трою.

Никто не узнал Одиссея, кроме прекрасной Елены. Она с тоской вспоминала о родине и ласково приняла Одиссея в свой дом. Узнав многое, что было необходимо для военного дела, он благополучно вернулся в стан ахейцев.

Ещё раз удалось хитрому Одиссею вместе с Диомедом пробраться в город, и он похитил там скульптуру Афины, без которой, по предсказанию, данному ахейцам, они никогда не могли бы взять Трои.

Долго обдумывал Одиссей план взятия осаждённого города, и наконец он убедил ахейцев прибегнуть к неслыханной хитрости. По совету Одиссея искусный мастер Эпей соорудил огромного красивого деревянного коня, внутри которого могли бы поместиться самые смелые из героев. Остальные же ахейцы сожгли свои палатки и отплыли на кораблях и расположились за островом Тенедос в засаде.

Раным-рано на рассвете заметили троянцы густой дым на том месте, где находился прежде стан ахейцев. Они выбежали из города и увидели, что ахейцы отплыли на кораблях и, видимо, прекратили осаду Трои.

Осматривая оставленное ахейцами поле, они с удивлением увидели высокого красивого деревянного коня и решили втащить его в город.

Затем они стали на радостях пировать, считая, что долгая и трудная война наконец окончилась. Наступила полночь, и, опьянённые вином и весельем, троянцы уснули глубоким сном.

И вышли тогда осторожно вооружённые ахейцы из утробы коня; первым вышел Одиссей вместе с Эпеем, за ним остальные, и, крадучись, они рассыпались по улицам Трои и стали убивать застигнутых врасплох сонных и опьяневших троянцев.

Вскоре в Трое начался пожар, запылали дома, и яркое пламя осветило ночное небо. Увидев это, ахейцы благодаря попутному ветру быстро подплыли к городу, и всё войско кинулось к воротам Трои. Мужественно отбивались застигнутые врасплох троянцы, сражались не на жизнь, а на смерть с войском ахейцев. Было много троянцев перебито, и пал Приам вместе с детьми и родными. Троя была сожжена, и много граждан, женщин и детей ещё недавно могучего города были взяты в плен и отправлены на ахейские корабли.

Елена в страхе перед Менелаем спряталась в тёмных покоях царского дома. Увидев жену, Менелай бросился на неё с обнажённым мечом, и он пронзил бы её, если

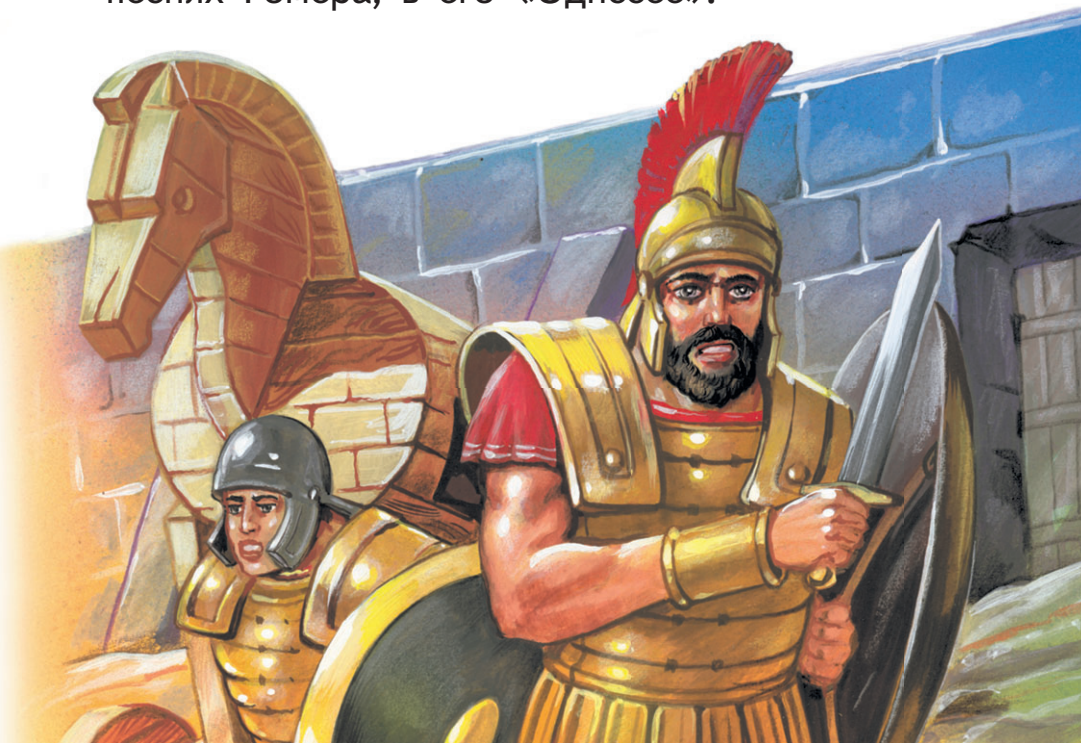
бы вовремя не подоспел его брат Агамемнон, убедивший его, что Елена не так виновата, как виновен Парис. Менелай послушал брата и увёл свою жену на корабль.

Взяли ахейцы в плен царицу Гекубу, Кассандру — сестру убитого Париса, жену Гектора и много знатных троянок. Они стояли у кораблей и с грустью смотрели на разрушенный город, на пламя пожара.

Уже несколько дней пылала несчастная Троя, и решили тогда ахейцы возвращаться из разрушенной Трои домой.

Но труден и полон бедствий был путь ахейцев по морю в Элладу, и многим из них не пришлось увидеть родной земли.

Много пришлось испытать горя и бедствий хитроумному Одиссею. Что с ним случилось за эти двенадцать лет, рассказано в песнях Гомера, в его «Одиссее».

Странствия Одиссея

Одиссей у киконів и лотофагов

Отплыл Одиссей с двенадцатью кораблями и своей дружиной от разрушенных стен Трои, но сильный ветер пригнал его корабли к фракийскому берегу, где был расположен город Исмар. Одиссею пришлось вступить в бой с жителями Исмара, и много жителей было убито. Взяв военную добычу, ахейцы поделили её между собой.

В то время успевшие спастись бегством жители Исмара позвали на помощь соседей, воинственных и многочисленных киконів, и вступили в бой с ахейцами. Они явились внезапно утром, и было их много, как листьев на деревьях или весенних цветов на лугах.

Целый день билось Одиссеево войско с врагами, держась вблизи кораблей, и только на заходе солнца им пришлось отступить перед сильными киконами.

Оставив на поле сражения по шесть убитых с каждого корабля, ахейцы отступили и спаслись на своих кораблях; и трижды окликнул Одиссей каждого из павших в сражении — таков был обычай — и затем отплыл со своею дружиной, скорбя о по-

гибших и радуясь в сердце, что остальным удалось спастись.

Но вдруг громовержец Зевс, собирающий тучи, выслал на них могучий северный ветер Борей.

Мчались корабли Одиссея, погружаясь в волны носами. Трижды и четырежды были разорваны на них паруса, и, быстро свернув их, ахейцы начали вёслами править к ближнему берегу. Достигнув его, они пробыли там целых два дня и две ночи, ожидая, пока буря утихнет.

На третий день, на рассвете, успокоилось море, и, снова подняв паруса, сели спутники Одиссея на свои корабли и направились, повинаясь попутному ветру, к югу.

Но северный ветер Борей снова сбил их с пути, отдалив от прекрасной Киферы. Девять дней их носила жестокая буря по тёмным водам, и на десятый день ветер пригнал их к берегу страны лотофагов, обитавших в Северной Африке.

Одиссей высадился на берег; сделав запасы пресной воды и утолив голод и жажду, он отправил трёх из своей дружины узнать, какие люди живут в этом краю. Их ласково встретили мирные лотофаги и дали им отведать лотоса, которым они питались.

Испробовав эту сладкую пищу, посланцы обо всём позабыли и, лотосом вкусным прельстившись, решили остаться в стране лотофагов.

Но Одиссей привёл их силой к своим кораблям и, привязав к корабельным скамьям, велел тотчас всем остальным погрузиться на корабли, и, дружно взявшись за вёсла, вспенив тёмные воды, отплыли они от страны лотофагов.

Циклон Полифем

Прибыл вскоре Одиссей со своими спутниками в страну циклопов. Эти одноглазые великаны жили, не зная труда, не вспахивая плугом поле и ничего не сея, — тучная земля сама родила без сева рожь, ячмень и пшеницу.

Вблизи той земли находился небольшой пустынный и дикий остров, водились на нём дикие козы, росли в изобилии виноградные лозы.

С острова в море впадал родник, что вытекал из горной пещеры, вокруг которой росли тополя. В этот удобный залив вошёл Одиссей с кораблями, указал путь им добрый демон — не светила на небе в то время луна, укрытая тучей густой, и остров трудно было различить во мраке.

Пристав к берегу, мореплаватели свернули паруса и уснули глубоким сном.

Когда наступило утро, созвал Одиссей спутников своих на совет и сказал им:

— Вы, спутники верные, здесь без меня оставайтесь, а я со своим кораблём и людьми отправлюсь узнать, какой здесь народ обитает.

И Одиссей приплыл на корабле к земле циклопов.

Подойдя к берегу, увидели они у самого моря увитую лавром пещеру, а перед ней находился двор, огороженный грубо обтёсанным камнем, и росли там сосны и дубы. Обитал в этой пещере дикий на вид великан исполинского роста, звали его Полифем; был он сын Посейдона и нимфы Тоосы. Он пас коз и овец на горах, жил один и не был похож на человека, а скорее походил на заросшую лесом вершину горы.

Отправился Одиссей к той пещере, взяв с собой двенадцать храбрых и надёжных спутников, немного пищи и полный мех драгоценного сладкого вина.

Когда Одиссей подошёл к пещере, в ней в то время никого не оказалось — циклопа не было дома, он пас на лугу своих коз и овец.

Вошёл Одиссей со своими спутниками в большую пещеру и стал её с удивлением разглядывать. Стояли в закутах козлята и молодые овцы, бараны, и много сыров было спрятано в тростниковых корзинах; находились там чаны и чаши, полные кислого молока.

Захотелось спутникам Одиссея захватить с собою побольше сыров, овец и барашков, а затем поскорей возвратиться к своим кораблям и отправиться дальше. Но Одиссею хотелось сначала посмотреть на циклопа и получить от него дары. И развели они в пещере огонь, достали сыр и, утолив свой голод, стали ждать возвращения циклопа.

Он вскоре явился с огромной вязанкой дров на плечах, и странники от страха спрятались в тёмный угол пещеры. Затем пригнал одноглазый циклоп Полифем своё стадо и, завалив вход в пещеру огромным камнем, начал доить коз и овец. Окончив работу и разведя костер, он вдруг заметил ахейцев и грубо спросил их:

— Скажите, странники, кто вы и откуда явились морскою дорогой? По делу или скитаетесь взад и вперёд по морям?

Испугались ахейцы, увидев циклопа и услышав его голос, но Одиссей ободрился и так ответил:

— Ахейцы мы, и плывем из далёкой Трои. Мы сбились с пути, возвращаясь на родину. Служим мы в войске царя Агамемнона, что город великий разрушил. Побойся великого Зевса и нас, бесприютных, прими и на прощание дай нам подарки.

Но злобно ответил ему циклоп Полифем:

— Ты, чужестранец, пожалуй, безумен, если думаешь, что я боюсь Зевса и прочих

твоих богов. Нам, циклопам, не нужен Зевс и другие боги! Я поступлю с вами как мне будет угодно. Скажи мне, где твой корабль, далеко или близко стоит он?

Но хитроумный Одиссей понял замысел циклопа и ответил ему:

— Бог Посейдон мой корабль уничтожил, а нам удалось спастись.

Ничего ему не ответив, схватил циклоп своими огромными руками двух спутников Одиссея и, ударив с размаху их оземь, убил. Приготовил он тотчас себе из убитых ахейцев ужин и съел их вместе с костями.

Ужаснулись ахейцы, подняли руки к небу и стояли, полные скорби. А циклоп, запив свою страшную пищу молоком, разлёгся в пещере между козлов и баранов.

Тогда Одиссей подошёл к Полифему и хотел было поразить его мечом, но, вспомнив, что пещера завалена огромным камнем, остановился и решил ждать наступления утра.

Только рассвело, как поднялся одноглазый циклоп, развёл огонь и начал доить коз и овец и снова схватил двух ахейцев себе на ужасную пищу. Съев их, он выгнал стадо из тёмной пещеры и, уходя, завалил её снова тяжёлым камнем.

Стал тогда Одиссей думать о том, как бы ему отомстить циклопу. Стояла в углу пещеры палица циклопа — срубленный ствол дикой маслины, вышиной и толщиной с целую

мачту. Взял Одиссей ствол маслины, отрубил от неё часть и велел своим спутникам обтесать обрубок. Затем он его заострил, острый конец обжёг на тлеющих углях, и спрятал.

К вечеру вернулся циклоп к пещере и загнал в неё всё своё стадо. Завалив снова вход скалой и подоив коз и овец, он схватил двух из ахейцев и сожрал их. Тогда подошёл к нему хитроумный Одиссей, держа в руке полную чашу вина, и сказал:

— Выпей, циклоп, человеческого мясом насытись, золотого вина. Я его сохранил для тебя, чтобы ты оказал нам милость.

Взял циклоп чашу и выпил её до дна. Понравился ему сладкий напиток, и он попросил ещё.

— Налей мне ещё и назови своё имя, чтобы мог я тебе приготовить подарок, — сказал циклоп.

Молвил ему Одиссей:

— Я назову тебе своё имя. Мать и отец зовут меня Никто, и товарищи так называют.

Ответил ему циклоп:

— Знай же, Никто, что будешь ты съеден последним, вот мой подарок тебе! — И он повалился навзничь, опьянев от вина, и тотчас уснул, на земле раскинувшись.

Быстро достав спрятанный кол, Одиссей со своими спутниками сунули его остриём в огонь. Ког-

да кол загорелся, они вынули его из огня и, набравшись отваги, вонзили его в глаз спящему циклопу.

Дико завыл людоед, и наполнилась воем пещера. Услыхав его крик, другие циклопы сбежались на помощь и, подойдя к пещере, стали спрашивать: «Зачем ты нас звал? Что случилось с тобой, Полифем? Кто хочет тебя погубить?»

И ответил из тёмной пещеры диким голосом Полифем:

— Никто!

Закричали тогда разгневанные циклопы:

— Если никто, то почему ты так громко ревёшь? Если ты болен, то зови на помощь своего отца Посейдона! — И разошлись они по пещерам.

Ослепший циклоп тяжело стонал и, ощутив стены руками, отвалил у входа скалу, вышел из пещеры. Сев у входа, он вытянул свои огромные руки, надеясь переловить всех ахейцев, когда они будут выходить из пещеры. Но Одиссей придумал, как спасти себя и остальных. Он связал вместе трех крупных баранов и привязал под брюхо среднего из них одного из своих товарищей, то же сделал он и с остальными. А сам, вцепившись в густую шерсть самого крупного из баранов, повис под его брюхом.

Стало вскоре светать. Побежали к выходу бараны и козы, и не мог глупый циклоп

угадать, кто скрывается в волнистой шерсти под брюхом баранов; а позади всех медленно шёл баран, под которым висел Одиссей хитроумный. Когда этот баран проходил мимо циклопа, ощупал он его спину, но ничего не заметил.

Выбравшись из пещеры, ахейцы быстро погнали стадо к берегу моря, к своему кораблю. Радостно встретили оставшиеся на корабле своих спутников, избегнувших верной гибели. Вспоминая друзей, погибших в пещере циклопа, им хотелось заплакать от горя, но Одиссей велел немедленно погрузить на корабль стадо баранов, чтобы возможно скорее выйти в море. И собрались тотчас Одиссеевы спутники, сели по своим местам и крепкими вёслами вспенили тёмные воды морские. Отплыв от берега на расстояние, на котором можно было бы слышать человеческий голос, Одиссей закричал циклопу:

— Циклоп, если кто-нибудь спросит, кто лишил тебя глаза, ты ответь: Одиссей, сын Лаërта, городов победитель и властитель Итаки!

Заревел от ярости ослеплённый циклоп:

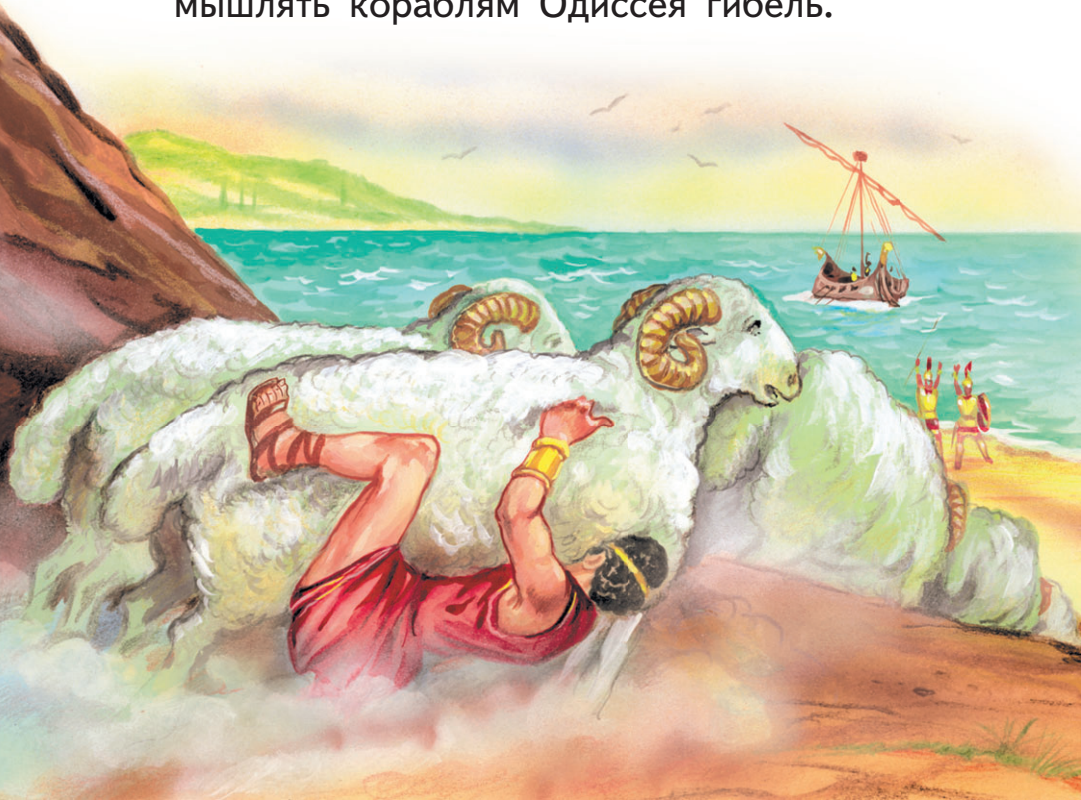
— Сбылось надо мной предсказание, что лишит Одиссей меня зрения, опоивши сладким вином.

И, подняв глаза к звёздному небу, начал циклоп молиться:

— О могучий отец Посейдон, не дай, чтоб достиг Итаки Одиссей, меня ослепивший.

Схватил циклоп огромный камень, швырнул его в море с непомерною силой, и камень с шумом упал в воду так близко к кораблю, что едва не разбил корабельную корму. Всколыхнулось море, и волны помчались корабль к острову коз. И вошёл вскоре корабль Одиссея в залив, где стояли его остальные суда и где в тоске и тревоге их ждали оставшиеся спутники.

Вытащив корабль на песчаный берег, Одиссей со своими товарищами отправился на остров. Собрав жирных коз и баранов Полифема, стали ахейцы делить между собой добычу, чтобы досталась каждому должная доля. И достался Одиссею самый жирный баран, его принесли в жертву Зевсу, но он этой жертвы не принял и стал замышлять кораблям Одиссея гибель.

Наступил вечер, солнце померкло, и тьма наступила, и все уснули под говор волн, что бились о берег.

Но только стала подниматься из мрака пурпурная Эос, проснулся Одиссей и, разбудив своих спутников, велел им собраться на корабле и отвязать канаты. Все быстро собрались и дружно взялись за вёсла, и тотчас вспенились под могучими вёслами тёмные воды моря, и поплыли ахейцы дальше, вспоминая о погибших друзьях, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.

Прибытие на остров Эола. Лестригоны

Вскоре они прибыли на остров, где обитал повелитель ветров Эол. Этот остров плавучий и окружён неприступной медной стеной.

Прибыв в город Эола, Одиссей со спутниками вошёл в его красивый дом.

Целый месяц угощал их радушно Эол и слушал рассказ Одиссея о Трое, о славных битвах ахейцев, о плаванье в море, об их возвращении домой.

Затем Одиссей попросил повелителя ветров Эола отпустить их домой и дать им в путь провожатых. И подарил им Эол сшитый из кожи быка мех, в котором были за-

ключены буреносные ветры. По воле Зевса был Эол хозяином всех ветров, он мог их обуздывать и возбуждать. Этот мех Эол туго стянул серебряной нитью, чтобы не было ни малейшего дуновения ветров, и тихому ветру Зефиру, что с запада дует, он повелел дыханием попутным провожать корабли Одиссея домой.

Девять дней и ночей плыли они, и вдруг на десятые сутки издали увидали берег Итаки, и был он уже близко, и можно было различить на берегу все сторожевые огни. В это время правил рулём Одиссей, не желавший его никому доверить, чтобы скорее достигнуть любимой родины. Но, утомившись, он прилёг отдохнуть и уснул. Завели на ту пору спутники Одиссея между собой беседу. Они полагали, что Эол подарил на прощание Одиссею в том мехе золото и серебро. И вот им захотелось посмотреть,

что находится в том туго завязанном мехе. Но только они его развязали, как с шумом, гудением и свистом вырвались ветры на волю; поднялась буря, потемнели синие воды, и помчались корабли Одиссея в открытое море.

Крики испуганных спутников пробудили от сна Одиссея, и в отчаянии он не знал, что теперь делать. Велика была грусть Одиссея, но он покорился судьбе и сидел на палубе корабля, закутавшись в плащ, а бурные волны всё дальше и дальше мчали корабль, и вот наконец их прибило снова к берегам острова Эола.

Взял Одиссей с собой одного из ахейцев, а также глашатая, и направился в дом Эола, который пировал в это время с женой и детьми. Сел Одиссей на пороге, и все, увидев его, удивились и воскликнули разом:

— Ты ли это, Одиссей? Скажи, какой демон преследует тебя? Разве не сделали мы всё для того, чтобы ты благополучно вернулся домой?

И ответил в смущении им Одиссей:

— Сон и безрассудные спутники погубили меня. Прошу вас, друзья, нам помочь.

И ответил с гневом Эол:

— Прочь, недостойный! Тотчас мой остров покинь, ты богам ненавистен, — так он сказал, и

пришлось Одиссею в слезах покинуть дом повелителя ветров Эола.

И вот отплыли они от острова, но скоро устали и стали терять надежду на счастливый конец пути.

Плыли они целых шесть дней и ночей и прибыли наконец на седьмые сутки в страну лестригонов, в большой город, называемый Ламос. Заметив удобную пристань между высоких утёсов, они направили в неё свои корабли и, связав их между собой канатами, бросили якорь. Но Одиссей, несмотря на то что залив был удобен и море было тихое, не решился войти в пристань и поставил свой чёрный корабль около устья залива и укрепил его крепким канатом под самым утёсом.

Послал Одиссей двух самых опытных спутников и с ними глашатая, чтобы узнать, какие живут здесь люди. Вскоре они дошли до лесистой горы, где из родника брали воду все жившие в городе люди. Там они встретили женщину исполинского роста с кувшином на плечах. Спутники Одиссея спросили у неё, кто обитает в этой стране и кто этим городом правит. Она им объяснила, что здесь живут лестригоны, а она — царская дочь, и указала им дом своего отца Антифата, царя лестригонов.

Пришли они в царский дом, был он огромной вышины. И встретили там жену царя Антифата, была она ростом с большую гору,

и при виде её они ужаснулись. Увидав маленьких людей, она тотчас велела вызвать из собрания своего мужа Антифата. Войдя в дом, громадный лестригон Антифат тотчас схватил одного из ахейцев и съел его. Увидев это, двое остальных бросились в бегство и возвратились к своим кораблям. Но царь лестригонов созвал отовсюду толпы могучих великанов, не похожих на людей, — лестригонов.

Подбежав к пристани, стали они бросать огромные камни. Поднялась на кораблях страшная тревога, послышался треск рушащихся мачт и снастей; как рыб, нанизали лестригоны ахейцев на колья и унесли на съедение в город. И только один корабль Одиссея, спрятанный за утёсом, остался цел, а все остальные затонули. Одиссей вывел из гавани свой чёрный корабль, и, сокрушаясь о гибели верных товарищей, поплыли ахейцы дальше.

Одиссей у Цирцеи

Вскоре подплыли они к покрытому лесом волшебному острову Эя. С давних пор на нём обитает светлокудрая, сладкоречивая нимфа Цирцея, дочь Гелиоса и злого Ээта сестра.

Выйдя на берег, пробыли они там два дня и две ночи, утомлённые и печальные сердцем.

Встала на третье утро золотая заря, и Одиссей, взяв копье и меч, взошёл на высокий утес посмотреть, не заметит ли где он людей, не услышит ли чей-нибудь голос.

И вот он увидел багровый дым, поднимавшийся вдаль за лесом, — там находилось жилище Цирцеи. Решил Одиссей вернуться назад. Подходя к кораблю, он встретил большого оленя и кинул в него своё боевое копье. Сплетя из осоки верёвку, Одиссей крепко связал ноги тяжёлому оленю, поднял его на плечи и пошёл к своему кораблю. Придя, он разбудил спутников.

Поднялись товарищи Одиссея, и всех удивил огромный и тучный олень. Целый день до самого вечера наслаждались они вкусным оленьим мясом и сладким вином запивали. Уже солнце зашло и ночь наступила, и только тогда уснули они под говор волн, ударявших о берег.

На другое утро, проснувшись, созвал Одиссей своих товарищей на совет. Решил

Одиссей разделить товарищей на два отряда. Во главе одного стал Одиссей, во главе другого — мужественный Эврилох. Был брошен жребий, кому отправиться в разведку на остров, и жребий пал на смелого сердцем Эврилоха. С двадцатью двумя спутниками отправился он в путь, и вскоре за горами, в лесу, они увидели дом Цирцеи, построенный из тёмных тёсанных камней, стоявший на широкой поляне; бродили возле дома горные львы и волки лесные, укрощённые волшебным напитком Цирцеи.

В страхе подошли ахейцы к дому Цирцеи; она сидела за ткацким станком и пела. Подали голос ахейцы, и вышла к ним нимфа Цирцея, открыла блестящие двери и ласково пригласила их войти в свой дом.

Все вошли, забыв осторожность, и только один Эврилох остался стоять у ворот, чуя что-то неладное.

Усадила Цирцея своих гостей в прекрасные кресла, предложила им сыр, смешанный с мёдом, ячменной мукой и крепким белым вином. В эту смесь незаметно влила Цирцея свой волшебный напиток, чтобы у её гостей пропала память о родине милой. И только отведали ахейцы той пищи, как Цирцея быстро коснулась их своим волшебным жезлом и,

обратив в свиней, загнала тотчас в хлев; и вдруг оказался каждый из них со щетинистой кожей, с рылом свиным, и захрюкал, но сознавая, однако, себя человеком.

Заперев их в хлеве, она бросила им желудей и диких орехов.

Не дождавшись своих спутников, вернулся Эврилох к кораблю с грустной вестью.

Долго не мог он от горя вымолвить слова, но наконец рассказал о случившемся.

Тогда взял Одиссей свой меч и лук и отправился сам выручать товарищей.

Пройдя горный лес, он вышел к долине, лежавшей вблизи дома Цирцеи, и встретил здесь по дороге прекрасного юношу. По золотому жезлу, который был у него в руках, он узнал в нём Гермеса. Взял юноша Одиссея ласково за руку и сказал:

— Путник, остановись! Ты спешишь на помощь друзьям, но знай, что может и с тобой то же случиться, что с ними случилось. Но я дам тебе средство, чтобы избавиться от её волшебства, и тогда ты смело ступай в жилище Цирцеи. Возьми с собой эту волшебную траву. И, когда Цирцея коснётся тебя своим волшебным жезлом, ты замахнись на неё острым мечом. Она испугается, а ты возьми с неё клятву, что злого замысла она против тебя замышлять не будет и вернёт твоих спутников.

С этими словами вестник Гермес вырвал из земли волшебную траву и, подав её Одиссею, вернулся на светлый Олимп. С этой волшебной травой пошёл Одиссей к дому Цирцеи. Став перед дверью, он начал громко её вызывать. Услыша его голос, она вышла и, открыв блестящие двери, ласково его пригласила войти к ней в дом.

Введя его в свои покои, она усадила его в прекрасное кресло, налила в чашу свой волшебный напиток и, замыслив злое, подсыпала в него зелья. Только выпил его Одиссей, как ударила его своим жезлом Цирцея и сказала:

— А теперь ступай и валяйся, как свинья, с другими в хлеву.

Но выхватил меч Одиссей и, подбежав к Цирцее, на неё замахнулся. Увернулась ловко она от меча и, громко вскрикнув, начала плакать и обнимать колени Одиссея:

— Кто ты, скажи мне, и откуда явился? Никто до сих пор не мог избежать моего волшебства. Не хитроумный ли ты Одиссей, о котором говорил Гермес, будто приплыл он сюда на чёрном своём корабле? Если так, то спрячь свой меч и будь в доме гостем желанным и мною любимым.

И ответил ей Одиссей:

— Как могу я быть гостем и другом твоим, Цирцея, если ты обратила всех моих спутников в свиней? Только тогда я готов поверить тебе, если дашь ты мне клятву, что злого замысла ты против меня не имеешь и вернёшь товарищам моим снова их человеческий образ.

Поклялась ему в этом Цирцея.

Устроила она пир в честь гостя своего Одиссея, но он не прикоснулся к вкусной пище, и Цирцея тогда подошла к нему и спросила:

— Что с тобой, Одиссей, отчего ты не ешь и не пьёшь?

И он ей ответил:

— Цирцея, кто же станет наслаждаться вкусной едой и питьём, пока не увидит, что товарищи его спасены? Если ты хочешь, чтобы я ел твою пищу, верни товарищам прежний вид.

И тотчас пошла Цирцея в свиной хлев и вывела их, превращённых в свиней, оттуда, помазала каждого мазью, и тотчас спала с их тела свиная щетина, и они вновь обра-

тились в людей, но стали при этом моложе, сильней и красивей, чем прежде.

И сказала Цирцея:

— О Одиссей благородный, ступай на песчаное взморье, вели втащить на берег корабль свой, а богатства свои и снасти спрячь в пещере у моря и ко мне возвращайся.

И он отправился к морю.

Увидав издалека Одиссея, спутники бросились к нему навстречу. Затем они втащили на берег корабль и отправились вместе в жилище Цирцеи.

Целый год прожил Одиссей со своими спутниками у гостеприимной волшебницы-нимфы, и однажды ночью обратился он с просьбой к Цирцее, чтобы она отпустила их в родную Итаку.

— Цирцея, исполни теперь свое обещание и на родину нас отпусти.

Ответила ему Цирцея:

— Одиссей благородный, в доме своём я тебя насильно держать не желаю. Но должен ты прежде проникнуть в область Аида, где живет Персефона, и спросить совета у Тиресия Фиванского, и он скажет тебе, придётся ли вам вернуться в Итаку.

Ужаснулся тогда Одиссей и спросил у Цирцеи:

— Кто же в мрачный Аид провожатым мне будет? Ведь там ни один живой человек не бывал до сих пор.

Цирцея утешила Одиссея и сказала, что провожатый ему найдётся, чтобы смело он плыл, мачту поставив и парус подняв, что корабль его она передаёт повелителю ветра Борею.

В царстве Аида

Вот в море спустили ахейцы свой чёрный корабль, мачту на нём укрепили, паруса привязали и взошли на корабль. Тяжко было у всех на душе, и вскоре под ветром попутным, провожатым надёжным, посланным им Цирцеей, вышли в открытое море.

Плавнo шёл Одиссеев корабль. Вeсь день надувал Борей паруса, и к вeчeру достигли ахейцы вод Океана и пришли наконец в страну киммерийцев, в печальную область, вечно покрытую влажным туманом; там никогда не являлось лучезарное солнце, вечная ночь окружает страну киммерийцев.

Прибыв в Киммерию, втащили ахейцы свой корабль на берег песчаный, взяли с собой чёрную овцу и чёрного барана и отправились берегом по течению вод Океана к тому месту, что им указала Цирцея, и вскоре они прибыли в рощу Персефоны.

Вырыл затем Одиссей, как указано было Цирцеей, мечом глубокую яму. Совершил возлияние мёртвым, зарезал чёрную овцу и чёрного барана над ямой — и толпой слетелись души из бездны чёрного Эреба, и призвал Одиссей грозного Аида и Персефону.

Но прежде всех явилась тень Эльпенора, одного из спутников Одиссея, погибшего в доме Цирцеи. Стал Эльпенор умолять Одиссея, чтобы тот по возвращении на остров Цирцеи похоронил бы его и над его могилой насыпал холм и водрузил бы на нём весло, которым при жизни он так долго тревожил морские волны. И обещал ему Одиссей выполнить его просьбу.

Явилась затем Одиссею его мать Антиклея, которую он оставил в живых, когда отправлялся в Трою.

Увидав призрак матери, Одиссей заплакал, и грустно стало у него на душе. Явилась наконец тень старца Тиресия с золотым жезлом в руке — он узнал Одиссея и молвил:

— Сын Лаэрта, Одиссей благородный, зачем ты сошёл в обитель мёртвых? Отойди от ямы, своим мечом не препятствуй подойти мне к крови, тогда я смогу тебе возвестить, что будет с тобою.

Отошёл Одиссей от ямы и вложил меч свой в ножны, а старец Тиресий начал тогда пророчить:

— Ты хочешь вернуться в родную Итаку, но Посейдон твой путь затруднит, он на тебя разгневан за то, что ты ослепил его сына, Полифема-циклопа. Ты вернёшься на родину, но испытав много бедствий и если себя и спутников ты обуздаешь. По пути твой корабль причалит к острову Тринакрия, там ты увидишь тучных быков и баранов Гелиоса, и если ты их не тронешь, то счастливо вернёшься в родную Итаку. Но в дом свой вернёшься не скоро, спутников всех потеряв, на чужом корабле. И встретишь ты дома людей, что сватаются за твою жену Пенелопу. Но тебе удастся хитростью уничтожить её женихов, что захватили твой дом. Затем ты должен будешь покинуть свой дом и семью и отправиться в странствие. Будешь ты странствовать до тех

пор, пока не встретишь людей, не знающих моря, пищи своей не солящих, не умеющих строить кораблей быстроходных. И только тогда наступит конец твоим странствиям. Принеси в жертву Посейдону быка, барана и вепря и домой возвращайся. Смерть не застигнет тебя на море, и умрёшь ты спокойно в старости светлой, любимый народом. Сбудется всё, что тебе предсказал я.

Поблагодарил Одиссей старца Тиресия и спросил, что надо сделать, чтобы можно было побеседовать с тенью своей умершей матери.

И дал Одиссей своей матери выпить жертвенной крови, как ему сказал Тиресий, и мать тотчас узнала своего сына.

Затем подошли к Одиссею другие тени умерших, жёны и дочери славных героев явились к нему толпой. Вдруг среди них показалась тень вождя ахейцев Агамемнона.

Явилась затем тень Ахилла и с ним вместе тени его друзей Патрокла и Аякса.

Увидел затем Одиссей ещё тень погибшего Миноса, который держал золотой скипетр и судил в Аиде умерших.

Видел Одиссей и Тантала, и умного Сизифа.

Увидал Одиссей наконец тень героя Геракла, но был то лишь призрак воздушный, сам же он обитал в жилище богов, на Олимпе, как муж Зевсовой дочери Гебы.

Стоял Одиссей, изумлённый, ожидая, не явится ли кто ещё из великих умерших мужей. Увидел он многих прославленных героев, видел Тесея и друга его Пирифоя; но в это время явились бесчисленные толпы теней умерших, Одиссей ужаснулся и в страхе покинул мрачную расщелину и вернулся назад к своему кораблю на пустынный берег Океана.

Быстро погрузились на корабль спутники Одиссея и дружно взялись за вёсла. Спокойно поплыл их чёрный корабль по течению вод Океана, вскоре поднялся ветер попутный, и дальше они шли на парусах.

Вспомнив обещание, данное Эльпенору, Одиссей вернулся назад на остров Эя; он послал своих друзей в жилище Цирцеи, чтоб они взяли оттуда тело погибшего Эльпенора. В это время ахейцы разожгли костёр на морском берегу, и когда было принесено тело Эльпенора, они его сожгли вместе с доспехами, а

затем, похоронив его, воздвигли могильный холм и водрузили на нём весло.

Цирцея, узнав, что Одиссей возвратился из подземного царства, пришла к кораблю, принесла ахейцам хлеба, вина и мяса и сказала:

— Сегодня вы отдыхайте, а завтра утром в путь отправляйтесь. Я укажу вам дорогу.

Целый день отдыхали ахейцы и, переночевав на острове Эя, ранним утром двинулись в путь. Цирцея послала им ветер попутный, и корабль поплыл спокойно по морю.

Рассказал Одиссей своим спутникам, что ему предсказала Цирцея. Предстояло им проходить мимо острова сладкозвучных сирен. Своими песнями они очаровывали всякого, кому приходилось плыть мимо их берега, и, забыв о родине, очарованные песней, мореплаватели причаливали к острову, и там ждала их гибель. Одиссей объяснил, что им следует держаться подальше от цветущих берегов острова сирен и только ему одному, Одиссею, — так сказала Цирцея, — можно слушать их песни.

Подплывая к острову сирен, Одиссей залепил своим спутникам уши воском, а себя велел привязать к мачте, чтобы нельзя ему было броситься в море и плыть к сиренам.

Вскоре попутный ветер утих. Пришлось ахейцам спустить паруса и взяться за вёсла, чтоб скорей провести свой корабль мимо опасного места. Но заметили сирены плывущий мимо корабль, уселись на берегу и запели чудесную песнь о походе на Трою, призывая мореплавателей подойти к их острову и насладиться их пением.

Очарованный звуками песни, Одиссей не хотел плыть дальше. Он знаками умолял своих спутников, чтобы они его отвязали, но они ещё крепче привязали его к мачте и дружнее взялись за вёсла.

Счастливо миновали ахейцы остров сирен и вскоре увидели вдали стоящие в море утёсы, с пеной и шумом о них разбивались высокие волны. Ждала Одиссеев корабль впереди большая опасность.

Уже показались перед ним высокие, плавающие в море скалы Планкты. Мимо них не могла пролететь ни одна птица, даже голуби, несущие Зевсу амброзию, разбивались об эти утёсы, и все корабли погибали, разбившись об острые плавучие скалы, и только корабль аргонавтов «Арго» спасся однажды от гибели.

Услыхав шум волн и увидев огромный водоворот, ахейцы ужаснулись, и выпали вёсла у них из рук, и корабль остановился.

Но Одиссей стал ободрять своих спутников, к каждому он подошёл и каждому молвил бодрое слово:

— Не бойтесь беды, опасность мы одолеем. Силу удвойте, гребцы, а ты, кормчий, правь на этот утёс, а не то корабль наш погибнет.

Ободрились спутники Одиссея, и кормчий направил корабль к утёсу, на который ему указал Одиссей, и вскоре остались опасные Планкты в стороне; но умолчал Одиссей о чудовище Сцилле, жившей на этой скале. Им предстояло войти в узкий пролив между двух скал: одна из них возвышается почти до самого неба, и лежат облака на острой вершине. Ни один человек не поднимался ещё на неё, и была в той скале пещера, в которой обитала страшная Сцилла. Сцилла без умолку лает; у неё двенадцать лап, а с косматых её плеч поднимаются шесть гибких шей, и на каждой из них — голова, и в каждой пасти — по три ряда чистых и острых зубов. Сцилла высовывает все свои шесть голов из пещеры и шарит лапами по скале, выискивая добычу. Напротив этой скалы находится на расстоянии полёта стрелы другая скала, но значительно ниже первой. Растёт на ней дикая смоковница, и под ней обитает Харибда. Трижды в день

она с ужасающим рёвом втягивает в себя морскую воду, а затем выпускает её обратно. Корабль, попадающий в этот водоворот, гибнет, увлекаемый в морскую пучину. Когда Харибда извергает воду, она кипит, как в огромном котле, и пена взлетает до вершины обоих утёсов; а когда поглощает Харибда волны морские, открывается, точно огромный зев, морская пучина и внизу клокочет чёрный песок и тина.

Вот вошёл в этот страшный пролив корабль ахейцев; Одиссей надел крепкие латы, взял два острых копья, но, забыв указание Цирцеи, подошёл к корабельному носу, считая, что с этой стороны может напасть на корабль Сцилла. Продвигаясь между скал и вглядываясь с ужасом в страшный водоворот Харибды, Одиссей сначала повёл корабль ближе к Харибде, но, заметив, что его начинает увлекать течением, повернул к Сцилле, и незаметно они подошли к утёсу, где их ожидало страшное чудовище. Вмиг Сцилла схватила шестерых ахейцев, самых сильных и самых отважных. Оглянувшись назад Одиссей и успел заметить, как схваченные чудовищем барахтались уже в его пастях, призывая Одиссея на помощь. У входа в пещеру Сцилла тотчас всех их сожрала.

Громко зарыдали Одиссей и его спутники, но помочь товарищам было уже невозможно.

Тогда, вспенив вёслами тёмные воды, они быстро поплыли дальше, чтобы возможно скорей выйти из пролива страшной Харибды и Сциллы.

На острове Тринакрия

Счастливо миновали ахейцы двойную опасность, и, избегнув мрачной Харибды, они подошли вскоре к острову Тринакрия, где паслись стада светозарного бога Гелиоса. Их охраняли дочери Гелиоса, прекрасные нимфы. Приближаясь к Тринакрии, уже издалека, на море, услышал Одиссей мычание быков и блеянье коз. Вспомнив, о чём его предостерегали старец Тиресий и Цирцея, он обратился к спутникам:

— Друзья, нам должно скорей миновать этот остров, на нём нас ждёт большая беда.

Но это предложение огорчило усталых мореплавателей, и Эврилох ответил ему:

— Нет, лучше давайте выйдем на берег, а завтра утром, отдохнув, отправимся дальше.

Все ахейцы были с Эврилохом согласны, и понял тогда Одиссей, что спорить напрасно, и так ответил ему:

— Ты принуждаешь меня уступить, я один противиться всем не могу. Но дайте мне

клятву, что если вы встретите на острове этом, на зелёных его лугах, быков или баранов, то не станете их убивать. Ведь пищей нас обильно снабдила Цирцея.

Дали спутники Одиссею клятву, и, войдя в залив, они высадились на берег.

Вдруг ночью, когда звёзды уже стали склоняться к зениту, послал громовержец Зевс страшную бурю на море и землю. Когда встала из мрака заря, ахейцы ввели свой чёрный корабль под своды высокой морской пещеры.

Беспрерывно весь месяц дул сильный ветер Нот, все остальные ветры в это время молчали, лишь иногда поднимался ветер восточный Эвр.

Ахейцы были сначала спокойны — хлеба и вина у них было довольно. Но запас пищи у них наконец истощился, и пришлось им стрелять дичь и ловить в море рыбу. Хотя томил их голод, однако быков Гелиоса они не трогали.

Однажды шёл Одиссей один по острову и, утомившись, уснул вдали от спутников.

В это время Эврилох обратился к ним с такими словами:

— Верные спутники, слушайте, что я скажу вам: всякая смерть страшна человеку, но ужасней всего голодная смерть! Давайте выберем лучших быков в стаде Гелиоса и принесём их в жертву богам, а когда вер-

нёмся в Итаку, мы построим владыке их Гелиосу богатый храм. Если же Гелиос нам не простит, то лучше погибнуть на море, чем медленно умирать от голода.

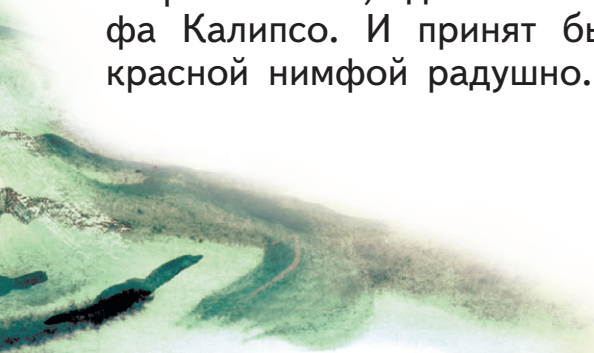
Все согласились с Эврилохом, и, выбрав лучших быков из стада, они зарезали их. Внутренности быков они бросили в жертвенное пламя, а мясо начали жарить на вертелах, готовя себе вкусный ужин.

Разгневался Гелиос на спутников Одиссея за то, что они умертвили его быков, и обратился к Зевсу с просьбой, чтобы он наказал за это ахейцев.

И вот, когда ахейцы отплыли уже от острова Тринакрия и находились в открытом море, Зевс наслал на корабль большую грозовую тучу, и поднялась страшная буря. Сорвались корабельные снасти, державшие мачту, она сломалась и рухнула вместе с парусами и реями на кормчего, и он был сброшен в море. И поразил Зевс корабль громовою стрелой. Раскололся корабль, и волной были сброшены все ахейцы в море и утонули в тёмной пучине.

Остался в живых один Одиссей.

Девять дней носился Одиссей по морю, но на десятый он ночью был выброшен на остров Огигия, где жила светлокудрая нимфа Калипсо. И принят был Одиссей прекрасной нимфой радушно.

Одиссей у нимфы Калипсо

Семь лет пришлось прожить Одиссею на острове у прекрасной нимфы Калипсо, и он уже почти потерял надежду вернуться в родную Итаку, куда он стремился всем сердцем.

В это время собралось в доме Одиссея сто женихов, самых богатых и знатных юношей Итаки и соседних островов. Они вынуждали жену Одиссея, прекрасную Пенелопу, выйти за одного из них замуж. Но верная Пенелопа не хотела выходить замуж ни за кого из них, она любила Одиссея и всё ещё надеялась, что он вернётся в свой дом.

Однажды собрались боги на вершине Олимпа у громовержца Зевса и во время пира стали рассуждать о судьбах людей.

Но не было среди богов Посейдона, ненавидевшего Одиссея.

Тогда Афина Паллада решила заступиться за своего любимца Одиссея.

И ответил ей Зевс:

— Об Одиссее я не забыл и желаю ему добра. Но Посейдон преследует его за то, что он ослепил циклопа. Сейчас Посейдон далеко на краю земли, и мы поможем теперь Одиссею вернуться на родину.

Гермес является к Калипсо. Отплытие Одиссея с острова Огигия. Кораблекрушение

Вестник богов Гермес привязал золотые крылатые сандалии, на которых он мог лететь, как на крыльях, примчался на остров Огигия и явился к просторной пещере, где жила Калипсо.

Увидел Гермес прекрасную нимфу, она сидела с золотым челноком над узорною тканью и пела. В пещере Одиссея в это время не было, он сидел одиноко на морском берегу и плакал, вглядываясь в пустынное море.

Ласково встретила нимфа Гермеса и спросила его, зачем он прибыл на остров. Сообщил ей Гермес о воле Зевса. Ужаснулась прекрасная Калипсо и сказала, что повеление Зевса исполнит.

Разыскала Калипсо на морском берегу Одиссея и сказала ему, что она готова его отпустить.

Она посоветовала ему нарубить деревьев, вытесать крепкие бревна, укрепить их медными скрепами и сделать на них перила. Обещала ему Калипсо дать на

дорогу хлеба, воды и вина, снабдить одеждой и послать ему ветер попутный.

На пятый день, на раннем рассвете, он с нимфой простился и на море плот свой спустил. Послала ему Калипсо ветер попутный, поднял Одиссей парус и вышел в открытое море.

Семнадцать дней носился плот по морю, и всё это время глаз не смыкал Одиссей.

Возвращался в то время из страны эфиопов Посейдон и заметил плывущего вдали Одиссея. Гневно потрянул головой Посейдон и, взмахнув трезубцем, собрал тучи, поднял на море бурю и буйные ветры созвал отовсюду. И вмиг покрылось море грозной осенней тучей, налетела большая волна, ударила в плот, он закружился, и сильной волной сбросило Одиссея в море.

Вспомнив про плот свой, он быстро за ним по волнам поплыл, за него ухватился; взобрался наверх и спасся от смерти.

Наконец заметила плот морская богиня Левкофея и сжалилась над несчастным Одиссеем. Обернувшись легкокрылым нырком, взлетела она на крепко сколоченный плот и сказала:

— Бедный мой Одиссей, сбрось скорее с себя одежду, оставь свой плот и смело бросайся в волны, я дам тебе со своей головы волшебное покрывало, и ты достигнешь вплавь берегов Феакии.

Сказав это, тотчас она скрылась в пучине морской.

Поднял снова волну Посейдон, и ударилась она о плот, распались вмиг брёвна плота; но поймал Одиссей одно из брёвен, сел на него, снял с себя одежду и, укрыв грудь волшебным покрывалом, кинулся в волны.

Два дня и две ночи носили волны Одиссея по морю, и не раз казалось ему, что близка уже гибель; но на третий день, на рассвете, успокоилась буря, море вдруг всё посветлело и стало пепельно-синим и тихим.

Вдруг он, плывя, увидел перед собой устье светлой реки, что в море впадала, — там берег был ровный, покрытый пёстрою галькой.

Ослабели могучие руки Одиссея, сердце его устало, подгибались колени, он терял уже память и чувство. Напрягая последние силы, он пришёл на время в себя, снял с груди покрывало и бросил его в реку, впадающую в море, и вдруг он почувствовал под ногами твёрдую почву; но вскоре лишился чувств. Уже наступала ночь, когда Одиссей очнулся. Отдохнув немного, он решил искать себе место для ночлега.

Одиссей и Навсикая

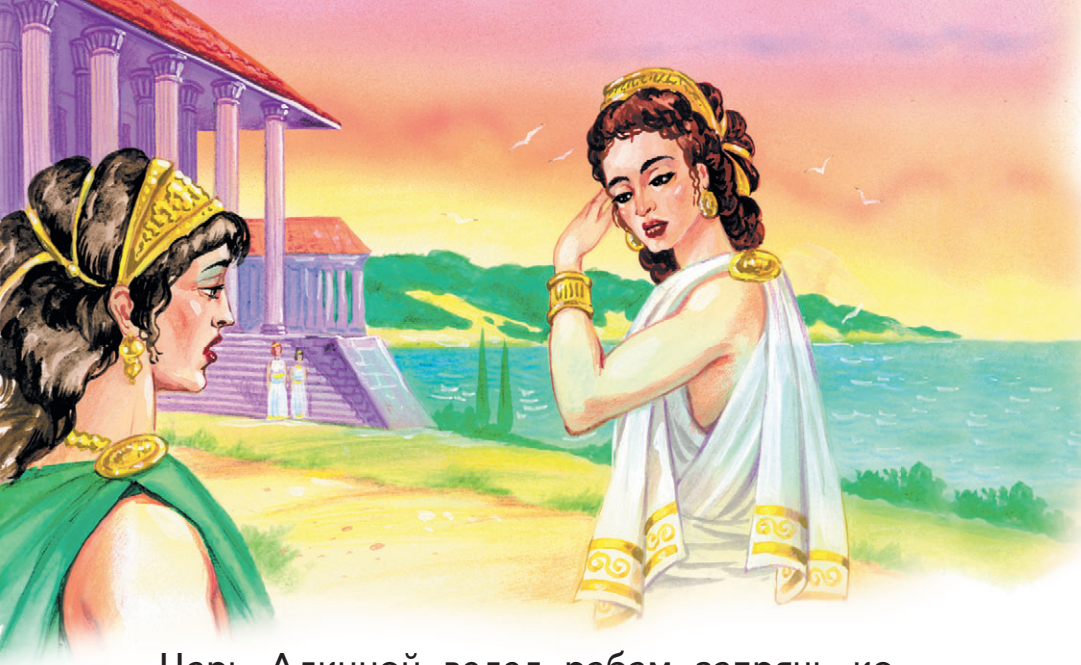
Когда утомлённый от бед Одиссей отдыхал, погружённый в глубокий сон, спустилась Афина Паллада в главный город феаков, на остров Схерия, где лежал теперь Одиссей. Она вошла в дом их царя Алкиноя. Заботясь о скором возвращении Одиссея домой, она вошла в спальню прекрасной царевны Навсикаи и, приняв вид дочери морехода Диманта, что дружила с царевной, тихо приблизившись к её изголовью, сказала:

— Скорее проснись и ступай со своими подругами на реку мыть одежды, а я помогу вам в работе.

Сказав это, Афина поднялась снова на Олимп.

Проснувшись на заре Навсикая, пошла к отцу и матери, рассказала им свой сон и попросила отца дать ей колесницу и мулов, чтобы ехать на реку, где она обычно мыла одежды.

Царь Алкиной велел рабам запрячь колесницу, а мать принесла для Навсикаи корзину с едой и мех, полный вина; взошла на колесницу Навсикая и, взяв в руки вожжи, отправилась в сопровождении подруг и рабынь к реке.

На берегу девушки распрягли мулов и пустили пастись их на зелёном лугу, а Навсикая вместе с подругами стала стирать одежды.

Кончив работу, девушки искупались в светлой реке и, натершись благовонным маслом, сели на зелёном лугу обедать. Потом они стали играть в мяч. Вдруг бросила мяч высокая Навсикая в подружек, но в них не попала, и мяч, пролетев мимо, упал в шумящие волны — так пожелала Афина.

Громко тогда закричали девушки, их крик разбудил Одиссея. Он быстро поднялся и осторожно он вышел из рощи.

Увидав его, они разбежались в испуге по высокому берегу, и осталась только одна Навсикая — вдохнула ей мужество в сердце Афина Паллада.

И созвала Навсикая подруг и слуганок, успокоила их и велела, чтобы одели они бедного странника и накормили его.

Когда Одиссей с жадностью утолил голод и жажду, собрала в корзину царевна Навсикая высохшие одежды, поправила упряжь у мулов и, став в колесницу, погнала мулов.

Вслед за колесницей пошёл Одиссей со служанками вместе. Уже заходило солнце, когда они дошли до тополевой рощи Афины. Здесь Одиссей остановился и стал просить богиню, чтобы она помогла ему в деле.

Одиссей у феаков

Когда Навсикая подъехала к царскому дому, Одиссей встал и отправился в город. Окружила Афина Паллада беззащитного странника тёмным облаком, чтобы его никто не заметил.

Вскоре подошёл Одиссей к царскому дому, который сиял весь, как солнце или луна.

Долго любовался Одиссей красотой Алкиноева дома, и наконец смело вошёл он в покои, где увидел пирующих феакийских старейшин. Скрытый облаком, подошёл Одиссей, не замеченный никем, прямо к царице Арете, обнял её колени — и вдруг исчезло тёмное облако, и все смолкли, увидав перед собой могучего мужа.

Одиссей обратился к Арете с такими словами:

— Дочь благородного Рексенора, царица Арета! С мольбой обнимаю твои колени и прошу тебя, и царя, и всех феакийцев, чтобы вы оказали мне помощь. Уже давно я скитаюсь по морям в разлуке с родными. Да пошлют вам боги долгую жизнь и счас-

тье, если вы поможете мне снова вернуться на родину!

Увидела она на Одиссее одежду, которую ткала сама вместе с рабынями, и спросила гостя:

— Странник, скажи мне, кто ты? Из какой ты страны явился? Кто дал тебе эту одежду? Ты говорил, что буря выбросила тебя к нам на берег.

И рассказал Одиссей Арете подробно о своём кораблекрушении всё как было, о жизни своей на острове у нимфы Калипсо, о своём последнем несчастном плавании и наконец о том, как встретил он на морском берегу девушек, мывших одежды, и что дала ему Навсикая мантию и хитон.

Тем временем Арета велела рабыням приготовить гостю постель, и вскоре Одиссей уснул на мягком ложе в гостеприимном Алкиноевом доме.

Когда встала из мрака багряная Эос, проснулся царь Алкиной. Рано на рассвете встал и Одиссей, и повёл царь своего гостя на площадь, и они сели неподалёку от гавани, где находились феакийские корабли. В это время Афина Паллада, приняв вид глашатая, ходила по улицам города, созывая всех граждан на собрание. Вскоре наполнилась площадь народом, и сели все по местам.

Поднялся царь Алкиной и, рассказав народу о знатном госте, стал просить помочь ему вернуться на родину. Просил Алкиной снарядить корабль и дать пятьдесят два смелых, молодых гребца.

Были выбраны лучшие мореплаватели, и они отправились на пристань и начали снаряжать корабль и вскоре приготовили его к отплытию.

Отплытие Одиссея в Итаку

Отнесли наутро феаки свои подарки на корабль и ещё дали Одиссею золотые сосуды, котлы и треножники; укладывал их на корабль сам царь Алкиной.

Послушав его совета, Одиссей отложил свой отъезд до вечера, и все снова собрались на пир в царском доме и пробыли там до вечера.

Когда солнце стало уже спускаться на море, Одиссей вышел из царского дома и направился к кораблю.

Провожал Одиссея глашатай, а три служанки царицы Ареты несли большой ларец с подарками, запас еды и вина на дорогу. Гребцы уложили всё это на корабль, затем разостлали на палубе широкий мягкий ковёр, и молча взошёл Одиссей на корабль

и лёг на ковре. Гребцы, отвязав корабль от причального камня, дружно взялись за вёсла. Вскоре крепко уснул Одиссей, забыв все страдания и беды, а корабль быстро мчался по морю, рассекая тёмные воды, подгоняемый сильной волной, к берегам родимой Итаки.

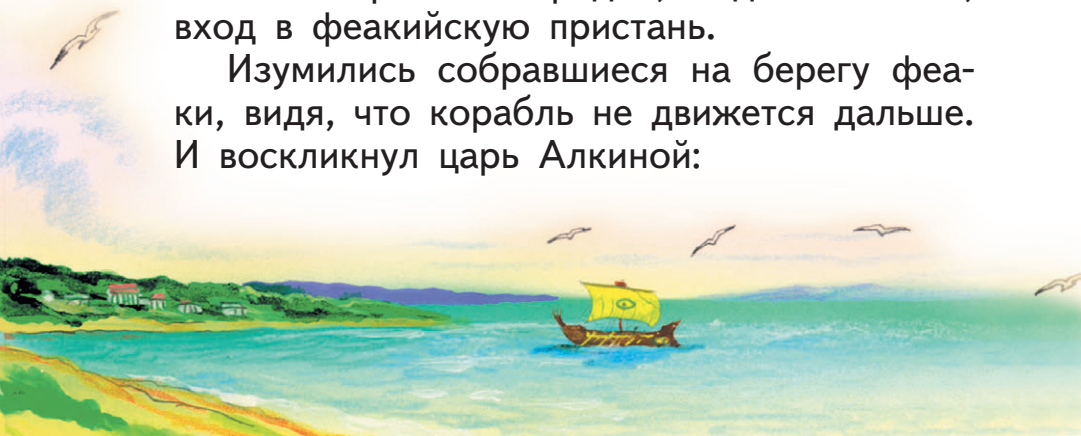
Спал Одиссей беззаботным сном всю дорогу, пока на востоке не встала звезда, предвестница утра.

Но вот, путь свой окончив, корабль достиг наконец берегов Итаки и вошёл в спокойный залив. Осторожно перенесли феаки спящего Одиссея на ковре на песчаный берег и положили по внушению Афины драгоценный ларец и подарки у тенистой оливы, от дороги подальше, чтоб никто их не похитил.

Затем феакийские гребцы сели снова на корабль и пустились в обратный путь.

Но разгневался Посейдон на феаков за то, что они помогли Одиссею вернуться в Итаку, и обратил их корабль, когда он уже подплывал к Схерии, в скалу, и ударом руки он прижал её к дну морскому — и окаменевший корабль заградил, подобно скале, вход в феакийскую пристань.

Изумились собравшиеся на берегу феаки, видя, что корабль не движется дальше. И воскликнул царь Алкиной:

— Горе нам! Должно быть, разгневался на нас Посейдон.

Принесли тогда феаки большую жертву морскому богу.

Проснулся Одиссей от глубокого сна, кругом огляделся и не узнал своей родины — так долго он не видел её. Всё было покрыто густым туманом, и во мгле не мог он узнать, где находится родной его дом.

Глядя на туманное море, грустный бродил Одиссей по его берегам. У тенистой оливы он увидел свои богатства. Вдруг к нему подошла Афина, приняв вид молодого пастуха. Обрадовался Одиссей, увидев юношу, и спросил его, в какую страну он попал.

Ответил ему пастух:

— Ты, чужеземец, должно быть, издалека, если не знаешь названия этой земли. Она всем людям известна, и хотя сурова она и покрыта горами, но богата виноградниками и пшеницей. В ней много прекрасных пастбищ для коз и быков, много лесов и светлых источников; имя Итаки должно быть известно и в Трое.

Радостно забилося сердце у Одиссея, когда он услышал имя родной страны. Но, боясь, чтобы его не узнали, он выдал себя за жителя острова Крит и выдумал целую повесть о том, как попал он случайно в Итаку. Улыбнулась

Афина и, обратившись в красивую девушку, погладила Одиссея нежной рукой по щеке и сказала:

— Ты по-прежнему хитрый и скрытный и рассказывать всякие вымыслы мастер, и тот, кто тебя захотел бы перехитрить, должен быть слишком хитрым и ловким. Как же ты не узнал Афины, охранявшей тебя во время всех твоих странствий? Я явилась тебе помочь, спрятать твои богатства и предупредить, какие ждут тебя бедствия дома. Смело иди им навстречу, но смотри — никому не называй своего имени, чтобы никто не знал о твоём возвращении, и никого ни о чём не расспрашивай.

Спросил Одиссей:

— Умоляю тебя, скажи мне, это и вправду моя родная Итака?

Ответила, улыбаясь, ему Афина:

— Взгляни — вот пристань, посвящённая Форкису, а вон на вершине утеса — олива, вот — грот, где обитают наяды, а вон и гора Нерион, покрытая лесом.

И вмиг рассеялся туман, и предстала перед Одиссеем его Итака. И бросился герой целовать родную милую землю.

Спрятал Одиссей свои богатства в гроте наяд, завалила вход в него камнем Афина. Сели они затем под тенью священной оливы и стали вместе обсуждать, как уничтожить женихов Пенелопы, что дерзко и самовластно хозяйничают в его доме и разоряют хо-

зайство, между тем как верная его Пенелопа в слезах и печали ждёт не дожждётся возвращения мужа.

И сказал Одиссей:

— Если бы ты не рассказала мне об этом, меня ожидала бы дома страшная участь, какая постигла Агамемнона, сына Атрея. Помоги мне и дай совет, как погубить женихов Пенелопы.

— Будь спокоен, — ответила ему Афина Паллада, — я тебе помогу. Я изменю твой вид, сделаю тебя бедным и дряхлым нищим, чтобы никто тебя не узнал; затем ты пойдёшь к своему свинопасу Эвмею, который любит тебя и предан твоему дому. Ты найдёшь его возле утёса Коракса, там он пасёт своё стадо. Ты должен остаться у Эвмея; от него ты узнаешь, что происходит в твоём доме, я же направляюсь в Спарту и вызову оттуда к тебе твоего сына Телемаха, который отправился к царю Менелаю узнать о твоей судьбе.

— Зачем же ты, зная обо всём, не сказала ему обо мне правды? — воскликнул Одиссей. — Ведь, скитаясь по бурному морю, он оставил во власти грабителей дом!

— Не беспокойся об этом, — ответила Афина, — я сама его проводила в Спарту, чтобы там он прославил себя; он живёт спокойно в доме Менелая. Правда, женихи Пенелопы собираются его убить и подстерегают его на обратном пути в Итаку, но

я им сделать того не позволю, и прежде чем это случится, они сами погибнут.

Так сказала Афина и, коснувшись Одиссея жезлом, обратила его в старика, покрытого рубищем нищего. Вдруг исчезли на его голове золотисто-тёмные волосы, тело стало дряхлым, кожа на нём сухой и морщинистой. Его сияющие глаза потускнели и покрылись струпьями, а на плечах вместо мантии повисли жалкие лохмотья, грязные и почерневшие от дыма.

Дав ему в руки посох и покрытую заплатками котомку, Афина исчезла и направилась в Спарту, а Одиссей пошёл к жилищу свинопаса Эвмея.

Одиссей у свинопаса Эвмея

По горной лесной тропе шёл Одиссей, направляясь к хижине своего верного пастуха Эвмея. Был на горе сооружён из больших тёмных камней широкий загон для свиней. Должен был Эвмей каждый день посылать в город по жирному кабану

к столу женихов Пенелопы. Сторожили стадо четыре большие собаки, похожие на волков.

Когда Одиссей подходил к загону, Эвмей сидел в это время у хижины. Собаки, увидев Одиссея, бросились на него с громким лаем. Испуганный нищий выронил посох и присел на землю.

Но выбежал пастух, крикнул на собак и отогнал их камнями.

— Опоздай я немного, тебя бы, старик, они разорвали, — обратился к нищему страннику Эвмей, — и у меня на душе стало бы ещё печальней. Войди, странник, ко мне в хижину, подкрепись едой и вином, расскажи мне, откуда идёшь и почему у тебя такой несчастный вид.

Одиссей обрадовался радушному приёму, он поблагодарил свинопаса. И тот ответил ему:

— Всякого странника надо встречать с приветом, даже самого бедного. Многого дать я тебе не могу, я — раб и сам владею немногим. Если бы мой хозяин находился дома, я жил бы счастливо, у меня была бы жена и дом и мне было бы чем тебя угостить. Но, должно быть, мой хозяин погиб, уйдя воевать против Трои. Будь проклят весь род Елены, из-за которой погибло столько отважных героев!

Сказав это, Эвмей направился в хлев, выбрал двух поросят и зарезал их. Зажарив

на вертеле, он их посыпал мукой и подал нищему страннику. Налил Эвмей в деревянную чашу вина и поставил её перед гостем. Сев напротив него, он сказал:

— Странник, отведай этого мяса — жирных свиней поедают наглые женихи моей госпожи. Должно быть, они знают о гибели моего хозяина и сватаются за неё, но не так, как должно, а расхищают хозяйство моего господина и по целым дням пьянствуют в доме. Каждый день для них убивают много скота; а было у моего господина двенадцать стад быков и столько же стад овец, коз и свиней.

Молча сидел Одиссей за едой. Слушая рассказ Эвмея, он обдумывал в это время, как ему отомстить наглым женихам, пирующим у него в доме.

Выпив вина, он обратился с вопросом к пастуху Эвмею:

— Скажи мне, кто же этот могучий муж — твой хозяин, о котором ты рассказывал мне, назови мне его. Я странствовал много, и, может быть, где-нибудь я его и встречал.

Но Эвмей грустно покачал головой и ответил:

— Должно быть, давно уж погиб Одиссей, и хищные птицы его труп растерзали, или рыбы морские сожрали его, или где-нибудь, засыпанные зыбучим песком, гниют его кости. Никогда уж мне не найти лучше-

го господина, добрый он был и ласковый с нами.

Ответил ему Одиссей:

— Клянусь тебе Зевсом и семьёй Одиссея, что он жив и скоро вернётся домой, в этом году, а может быть, даже и в этом месяце, и отомстит женихам, разоряющим дом и оскорбляющим его жену и сына.

Но Эвмей ему не поверил:

— Нет, уж, видно, никогда не придётся ему вернуться на родину. Допивай, странник, вино, и расскажи мне, откуда ты родом и как ты попал к нам в Итаку.

И хитроумный Одиссей объяснил свинопасу, что будто родился он на острове Крит в семье одного богатого человека. Предпочитая военное дело тихой семейной жизни, он участвовал во многих сражениях, был в походе на Трою, и девять лет воевал он у её стен. Затем он вернулся домой, плывал в Египет, случайно попал на корабле в Ливию, по пути потерпел кораблекрушение и, привязанный к мачте, был волной принесён на берег в страну феспротов, и здесь впервые услышал о судьбе Одиссея, который незадолго до того побывал в этой стране, возвращаясь в родную Итаку. Будто из страны феспротов отправился он в Додону узнать у оракула о своём возвращении домой, и ему пришлось быть проданным в рабство; но он бежал и теперь скитается в рубище нищего по Итаке.

Выслушав подробный рассказ Одиссея, пастух пожалел нищего странника, но его рассказу об Одиссее он не поверил:

— Нет, я не верю рассказам о царе Одиссее с тех пор, как меня обманул один этолиец-бродяга, уверявший, что будто он видел Одиссея однажды на Крите, когда тот чинил свои корабли, потерпевшие бурю. Ты баснями об Одиссее мне угождать не старайся, и без этого будешь ты принят гостеприимно, нищих странников я жалею.

Уже наступил вечер, вернулись пастухи со своими стадами и загнали свиней в хлевы. Тогда Эвмей велел выбрать лучшего барана и принести его в жертву в честь гостя.

Насытившись вкусною пищей, все стали собираться ко сну.

Наступила ночь, поднялся холодный ветер, и начал идти сильный дождь. Одиссей дрожал от холода в своём ветхом рубище и, чтобы испытать Эвмея, не уступит ли он ему свою единственную тёплую одежду, стал рассказывать пастухам следующую историю:

— Послушайте, что я хочу рассказать вам, вино мне язык развязало, оно даже самого умного заставляет лишнее вымолвить слово. Как бы хотелось мне снова быть молодым и сильным, каким был прежде, когда сражался под Троей!

Однажды мы были в засаде с отрядом войска — Одиссей, Менелай и я. Пришлось нам засесть в болоте, а наступила холодная ночь;

дул с севера ветер, шёл снег, наши щиты от мороза обледенели, все лежали, закутавшись в тёплые плащи, прикрываясь от ветра щитами. У меня же тёплого плаща не было; тогда перед рассветом я сказал лежавшему рядом со мной Одиссею: «Одиссей благородный, мне холодно, я продрог до костей, на мне один лишь хитон». И хитроумный Одиссей мне шепнул в ответ: «Тише, чтоб никто из ахейян нас не услышал». Затем он громко обратился к товарищам: «Снился мне сон, будто мы зашли далеко от наших кораблей; пусть кто-нибудь сходит к Агамемнону и попросит прислать нам подкрепление».

Тогда один из воинов поднялся, сбросил с себя тёплый плащ, быстро направился к кораблям, я же укутался в него и сладко

проспал до утра. Если бы я был теперь так же молод, как прежде, то, наверно, твои пастухи уступили бы мне плащ свой охотно.

— Хороша твоя басня, старик, — ответил на это Эвмей. — Ты не встретишь у нас отказа ни в одежде, ни в пище; но завтра придётся тебе снова одеться в свои лохмотья, ибо лишних плащей у нас нет, мы одеждой здесь не богаты. — И он начал ему готовить постель у костра, разложив тёплую овчину и козью шкуру.

Лёг Одиссей, и укутал его Эвмей своим тёплым шерстяным плащом. Пастухи улеглись рядом с Одиссеем, а Эвмей, укрывшись грубым косматым плащом и взяв с собой меч, отправился к свиному загону и, усевшись за уступом скалы, стал сторожить свиней.

Радовался в душе Одиссей, глядя на то, как Эвмей ему, и далёкому, верен остался.

Возвращение Телемаха из Спарты

Подвязала Афина Паллада к ногам золотые крылатые сандалии и, взяв в руку большое копье, спустилась в Спарту, чтобы напомнить Телемаху о милой Итаке и сказать, что пора возвращаться в отцовский дом. Явилась Афина в дом Менелая в то

время, когда Телемах спал вместе со своим спутником, юношей Писистратом, сыном Нестора. Безмятежен был сон Писистрата, но беспокойно спал сын Одиссея, все в полусне вспоминая с тревогой о милом отце.

Подошла к нему тихо Афина Паллада и молвила так:

— Сын Одиссея, напрасно ты остаёшься так долго на чужбине, бросив дом своего отца, ведь дерзкие женихи грабят твоё добро. — И она рассказала Телемаху, что отец и братья Пенелопы принуждают её выйти замуж за Эвримаха, который превзошёл всех женихов богатством своих подарков. — Телемах, проси Менелая, чтобы он скорее устроил твой отъезд, — сказала она. Затем предупредила его Афина, чтобы он не плыл проливом между Итакой и островом Зам. — Там подстерегают тебя женихи, чтобы убить, когда ты будешь возвращаться домой, — говорила она ему. — Плыви только ночью и держись от островов в отдалении, а подойдя к Итаке, отправь свой корабль с гребцами в городскую гавань, а сам оставайся на берегу, а затем ступай к верному свинопасу Эвмею и переночуй у него. Утром пошли его к своей матери Пенелопе известить о своём возвращении.

Сказав это, Афина вернулась на светлый Олимп, а Телемах разбудил тотчас своего друга и сказал:

— Скорей просыпайся и запрягай наших коней в колесницу, нам пора отправляться в дорогу.

— Сын Одиссея, — ответил ему Писистрат, — хотя ты и спешишь с отъездом, но нельзя же пускаться тёмной ночью в дорогу. Давай подождём до рассвета. Надо прежде проститься с хозяином дома, который нас принял радушно.

Только поднялась светозарная Эос на небо, стал просить Телемах Менелая, чтобы он отпустил его домой:

— Позволь на милую родину мне возвратиться, сердце моё тоскует о доме.

Ласково ответил ему Менелай:

— Сын Одиссея, мой гость дорогой, если ты так сильно стремишься домой, удерживать я тебя здесь не буду. Но подожди, Телемах, и позволь уложить мне для тебя в колесницу подарки и перед дорогой тебя накормить.

Если же ты на обратном пути хочешь в Аргос заехать, то я сам готов тебя провожать и велю своих коней запрячь в колесницу.

Но ответил ему рассудительный сын Одиссея:

— Нам должно домой возвращаться прямою дорогой, мой дом и богатства отца без надзора, и может с ними какая беда приключиться.

Менелай с ним согласился и велел служанкам завтрак скорее готовить, а сам со своею женой Еленой и сыном спустился в кладовую, где хранились его богатства, чтобы выбрать гостям на прощание подарки.

С подарками они подошли к Телемаху, Менелай поднёс ему кубок, а сын Менелая — серебряный, дивной работы кратор, а Елена, золотом шитые одежды ему подавая, сказала:

— Прими этот дар от меня, чтобы ты обо мне вспоминал и в день свадьбы надел их на свою невесту, а пока пусть их хранит твоя мать. Будь счастлив и с радостным сердцем возвращайся в Итаку.

Повел Менелай гостей в пиршественную залу, и все сели за стол. Когда прощальный завтрак был окончен, юноши вышли из дома, запрягли коней в колесницу и уже готовились выехать со двора через портик, вышел тогда Менелай и, став впереди колесницы и кубок держа, отхлебнул вина и воскликнул:

— Юноши, да счастлив будет ваш путь! Передайте поклон старому Нестору, с которым мы вместе воевали когда-то под Троей!

— Мы рады исполнить твоё поручение, — ответил ему Телемах. —

Я был бы счастлив, вернувшись в Итаку, передать моему отцу Одиссею, как ты угощал нас радушно и сколько чудесных подарков нам дал на прощание.

Только успел это сказать Телемах, как поднялся с шумом справа огромный орёл, держа в когтях большого белого гуся. Орёл пролетел почти над самыми конями и вдруг исчез в вышине.

Все приняли это за радостный знак, и спросил Писистрат Менелая:

— Царь Менелай, скажи, кому Зевс знамение это послал, тебе или нам?

Не успел Менелай ответить, как сказала Елена:

— Слушай, что я скажу, то сбудется верно. Как этот могучий орёл, с гор прилетевший, где он родился и вывел орлят, похитил домашнего гуся, так долго скитавшийся Одиссей, возвратившись домой, своим врагам отомстит. Может быть, он уже дома и женихам Пенелопы готовит смерть.

— Если сбудется слово твоё, я буду чтить тебя как богиню, — ответил ей Телемах, и, ударив бичом по коням, они быстро помчались по улицам города.

Когда солнце уже зашло и потемнели дороги, прибыли путники в Феру; остановились они на ночлег у царя Диоклеса, который их принял радушно.

На другое утро юноши продолжали свой путь. Кони шли весело, дружно, и вскоре они прибыли в Пилос. Телемах торопился вернуться домой и просил Писистрата не заезжать в город, а направился прямо к берегу моря, где стоял их корабль. Вот сели они на корабль, и сложил Писистрат на корме дары Менелая. Затем они распростились, и Писистрат, став в колесницу, направился в город.

Телемах просил своих спутников скорее готовить корабль к отплытию. Вскоре гребцы собрались на корабле, и, подняв паруса, при попутном ветре быстро помчался корабль по волнам.

Солнце уже село, и все потемнели дороги, ночь уже наступила, когда, миновав Феа, корабль подошёл к Элиде, и увидел Телемах вдали острова; он подумал: удастся ли ему спастись или придётся погибнуть. Но счастливо миновав пролив, где ждали его в засаде женихи Пенелопы, он двинулся дальше и на рассвете подошёл к берегам Итаки. Убрав паруса, мореплаватели бросили якорь и привязали канатом корабль к причалу. Затем, выйдя на берег и утолив свой голод и жажду вкусной едой и вином, Телемах, попрощавшись с

гребцами, отправился к хижине пастуха Эвмея, а гребцы погнали корабль в городскую гавань.

Тем временем Одиссей находился в хижине свинопаса Эвмея; все сидели за ужином. И захотелось Одиссею испытать Эвмея.

— Послушай, добрый Эвмей, — обратился к нему Одиссей, — завтра утром я пойду в город и буду просить подаяние, чтобы не быть вам в тягость и не есть ваш хлеб. Скажи одному из своих пастухов, чтобы он указал мне дорогу в город; там, пожалуй, найдутся добрые люди, дадут мне вина и вынесут хлеба краюшку. Я приду к Одиссееву дому и скажу, что принёс Пенелопе добрые вести о муже, и пойду к наглым её женихам, и они, роскошно пируя, может, не откажут мне в подаянии. Могу к ним поступить в услужение — я умею колоть дрова, огонь разводить, разрезать мясо, вино подавать и делать всё, что приходится бедным, служа у богатых.

Ответил ему Эвмей:

— Какие странные мысли пришли тебе в голову! Ты, пожалуй, себя не жалеешь, если собираешься идти к женихам, их бесстыдство и буйство дошли до предела. На пирах, странник, красивые, ловкие юноши служат, не такие, как ты, старики. Ты лучше у нас оставайся, нам ты не в тягость, а когда вернётся сын Одиссея, он тебе и одежду подарит, и не откажет помочь.

Поблагодарил Одиссей свинопаса Эвмея за доброе слово и сказал, что охотно будет ждать Одиссеева сына, и попросил рассказать пастуха о родителях Одиссея, спросил, живы ли они или, может, уже в тёмном царстве Аида.

И так ответил ему Эвмей:

— Всё расскажу тебе по порядку, что знаю. Старый Лаэрт ещё жив, но просит Зевса о скорой смерти; он сильно тоскует по умершей жене и сыну, пропавшему без вести. Я тоже горюю о ней; ведь она меня воспитала как сына родного, вместе с дочерью своею Клименой, а когда её выдали замуж на остров Самос, меня прислали сюда, — и стал Эвмей рассказывать Одиссею про свою жизнь. — Есть остров Сирос, находятся там два города, ими правил отец мой Ктесий. Однажды, когда был я ребёнком, подошли к острову финикийские корабли, на которых было привезено много разных товаров. А в доме у моего отца жила в то время красивая рабыня; она была похищена в Финикии морскими разбойниками и продана в рабство в наш дом. Эта рабыня познакомилась с финикийскими купцами и упросила их, чтоб они отвезли её на родину; за это она им обещала дать по возвращении домой много золота и, кроме того, посулила ук-

расть меня у родителей и привести на корабль. Долго стояли финикийцы на берегу острова, но, наконец распродав товары и нагрузив корабли зерном, они собрались в путь и послали одного из своих известить об этом рабыню.

Посланец явился к нам в дом под видом продавца золотых изделий, и, когда моя мать рассматривала красивое ожерелье, он подал рабыне условный знак и затем возвратился на корабль. Тогда рабыня взяла меня за руку, вывела тайно из дома и поспешила к кораблю, который готов был уже к отплытию. Я помню, солнце садилось в море, когда я в последний раз увидел родной Сирос. Шесть дней плыл я на корабле по бурному морю. На седьмой день рабыня-финикиянка неожиданно умерла, и я остался один среди чужих финикийцев. Наконец мы прибыли в Итаку, где меня купил отец Одиссея Лазрт.

— Твой рассказ растрогал мне сердце, — сказал Одиссей. — Я тоже долгие годы на чужбине скитаюсь.

До полуночи беседовали пастухи с Одиссеем и легли наконец спать.

Когда взошла на небо светозарная Эос, они проснулись, развели огонь в очаге и стали готовить завтрак. Поев, они погнали свиней на пастбище.

В это время Телемах уже подходил к свиным хлевам. Его ноги были обуты в зо-

лотые сандалии, в руке он держал боевое копьё. Когда он подошёл к хижине Эвмея, сторожевые собаки, увидев его, не залаяли, а стали к нему ласкаться.

Увидев это, Одиссей молвил Эвмею:

— Должно быть, идёт кто-нибудь из знакомых людей, собаки бегут к нему навстречу, не лают, а машут хвостами.

И не успел Одиссей договорить, как в двери вошёл Телемах. Эвмей вскочил в изумлении и радостно бросился навстречу Телемаху. Обняв его, стал целовать и заплакал, как отец, увидевший сына после долгой разлуки.

Обратился к нему Телемах:

— Я пришёл, Эвмей, с тобой повидаться и узнать у тебя, дома ли ещё моя мать Пенелопа или вышла замуж за одного из женихов, и, может, уже Одиссеево ложе стоит пустое, покрытое злой паутиной?

Ответил свинопас Эвмей:

— Твоя мать Пенелопа ждёт дома с тоской твоего возвращения, целые дни она плачет, о тебе вспоминая.

Сказав это, принял Эвмей из рук Телемаха копьё и ввёл его в хижину.

Увидев любимого сына, быстро поднялся Одиссей, чтобы уступить ему место, но Телемах ласково усадил нищего странника и приветливо молвил ему:

— Старик, ты сиди, и для меня здесь найдётся место.

Сел Одиссей, а Эвмей принёс свежих веток, покрыл их овчиной и предложил Телемаху на них отдохнуть. Принёс Эвмей жареное мясо, хлеб и вина в деревянной чаше, и все трое сели за стол. Насытись едой и питьём, Телемах спросил у Эвмея, кто этот гость у него, откуда он родом и как попал он в Итаку; и Эвмей рассказал ему всё, что знал о нищем.

— Пусть находится он под твоей защитой, — закончил рассказ Эвмей.

Рассудительный Телемах ответил на это:

— Как могу я принять к себе в дом чужеземца, если я не в силах его защитить от дерзости женихов? Лучше пусть он живёт у тебя, я пришлю ему пищу и подарю хитон и сандалии, чтобы было ему во что обуться. Я дам ему меч, а затем отправлю туда, куда он захочет уехать. К женихам в город пусть он не ходит — они слишком дерзки и могут его обидеть.

И ответил так Одиссей Телемаху:

— Позволь мне сказать тебе правду: я всем сердцем досажую, слыша, как много оскорблений наносят наглые женихи, захватив в свои руки дом такого, как ты, молодого героя. Скажи, почему ты всё это терпишь? Может, народ тебя ненавидит или, может быть, ты в раздоре со своими братьями? Будь я такой молодой и сильный, как ты, будь я сын Одиссея или сам Одиссей, я наказал бы грабителей дерзких. И если б они одолели меня, я б согласился быть лучше убитым, чем сносить так долго их оскорбления.

— Добрый мой гость, — ответил ему Телемах, — я всё тебе расскажу, чтоб знал ты всю правду.

Народ не враждует со мною, братьев нет у меня, и у прадеда был только один сын Лаэрт, а у Лаэрта — единственный сын Одиссей; у отца же моего Одиссея я тоже один. Я был младенцем, когда мой отец ушёл сражаться под Троию, и остался я один с матерью в доме. Вскоре вторглись в наш дом женихи, сватаясь за мою мать Пенелопу. Они принуждают её выйти замуж, расхищают наше добро, а мать любит отца и не хочет вступать в ненавистный ей брак. Меня женихи замышляют убить, чтобы не был я им помехой.

— А теперь, — обратился Телемах к Эвмею, — скорее ступай к Пенелопе и расскажи о моём возвращении, а я подожду тебя

здесь. Но передай ей об этом так, чтобы никто не услышал, чтобы никто не узнал, что я дома, и скорей возвращайся назад.

— Всё, что велишь, я точно исполню. Но не зайти ли мне по дороге к Лаэрту, чтобы порадовать его вестью о твоём возвращении? Бедный старик, он всё время тоскует о сыне и по тебе, уехавшем в Пилос, скучает.

— Жаль мне его, — сказал Телемах, — но ты прежде всего сходи в дом к Пенелопе, а сам возвращайся сюда. Скажи ей, чтобы она, тайно от всех чужих и домашних, отправила б ключницу к деду Лаэрту с вестью о том, что я возвратился.

И Эвмей отправился в город.

Одиссей открывается Телемаху

Когда Эвмей вышел из хижины, явилась Афина Паллада в виде прекрасной смуглой девушки, Телемаху она была невидима. Её заметили только Одиссей и собаки, которые, не залааяв, кинулись со двора. Кивнув, подала знак Одиссею Афина, и он, догадавшись, вышел из хижины и встретил её у высокой ограды.

— Одиссей благородный, — обратилась к нему Афина, — ты можешь теперь открыть-

ся и обо всём рассказать Телемаху. Вы условьтесь вместе тотчас отправиться в город, чтоб погубить женихов. Я приду к тебе в дом и помогу тебе справиться с ними.

И она прикоснулась к Одиссею своим золотым жезлом — и тотчас плечи его покрылись чистым хитоном, ростом вдруг стал он выше и моложе лицом; его смуглые щёки стали полнее, и чёрной густой бородой покрылся его подбородок.

Вернув ему прежний образ, Афина исчезла, а Одиссей направился в хижину.

Увидя его, Телемах изумился такой перемене, он опустил глаза и подумал, что перед ним стоит один из бессмертных.

— Странник, тебя не узнать в новом виде! Ты, может, спустился с Олимпа? Будь милостив к нам, и мы почтим тебя богатой жертвой, а ты нас, могучий, помилуй!

— Нет, я — не бог, а родной твой отец Одиссей, за которого ты столько обид претерпел. — И на глазах у Одиссея показались слёзы, и он стал целовать милого сына.

Стоял Телемах в изумлении. И, не поверив, что отец и вправду вернулся в Итаку, он воскликнул:

— Нет, ты не отец мой, а демон, меня ослепивший своим волшебством; ты хочешь своим обманом горе мое увеличить. Разве человек может так вдруг измениться и из дряхлого старца обратиться в могучего мужа?

Ответил ему Одиссей:

— Сын мой, не удивляйся чуду и не чуждайся отца. Да, я — Одиссей, твой отец, много бед испытавший и вернувшийся после долгих скитаний в родную Итаку. Мое превращение устроила Афина Паллада. Был я ею обращён в нищего старца, а ныне, как видишь, снова стал сильным мужем.

Я вернулся сюда, чтобы вместе с тобой отомстить и врагов уничтожить. Скорей назови мне всех женихов, откуда они родом, сколько их, и мы с тобой обсудим, возможно ли нам вдвоём их всех уничтожить или надо призвать нам на помощь людей.

И ответил ему Телемах:

— Отец, я слышал всегда, что ты мудростью славен и превосходно владеешь копьём; но нам с тобою вдвоём никогда не одолеть такого числа врагов. Их не десять, не двадцать; из одного лишь Дулихия прибыло их пятьдесят два человека, с острова Зама — двадцать четыре, из Закинфа — двадцать, да из Итаки двенадцать, и с ними глашатай, слуги, певец Фемий и двое рабов. С такою толпой нам трудно будет бороться. Нам лучше подумать о том, чтобы найти людей, которые нам помогли бы.

— Если Зевс и Паллада нам помогут, то надо ли нам искать лучших помощников в деле? — возразил ему Одиссей. — Знай, что когда наступит время отмщения, они придут нам на помощь.

— Правда, они далеко в облаках обитают, но ты выбрал славных помощников в деле, — сказал Телемах.

И продолжал Одиссей:

— Завтра на раннем рассвете иди в город и будь среди женихов. Я приду вслед за тобой вместе с Эвмеем в образе нищего старца. Если женихи станут меня оскорблять в моём доме, ты это сноси терпеливо.

Можешь, конечно, им слово сказать в защиту мою, но делай это спокойно и к ним дружелюбно. Помни, час их гибели близок! Смотри, чтобы ни один человек не знал, что я — Одиссей, — ни Лазрт, ни Эвмей, никто из домашних, ни даже сама Пенелопа. А мы между тем узнаем, кто из слуг нас уважает и любит. Помни, нам нужна осторожность.

— Милый отец, — ответил Телемах, — надо слишком много времени, чтобы расспросить всех слуг и рабов, и наши расспросы могут нам лишь повредить.

Одиссей с ним согласился, и долго ещё они вели между собой беседу.

В доме Одиссея

Когда гребцы ввели в гавань корабль, на котором Телемах плывал в Пилос, они отправили к Пенелопе гонца известить о благополучном возвращении сына.

Гонец встретился на пороге царского дома с Эвмеем, который тоже явился сюда с вестью от Телемаха. Гонец объявил во всеуслышание, что Телемах вернулся в Итаку, а Эвмей подошёл к Пенелопе и сказал ей на ухо всё, что велел ей передать Телемах, и тотчас вернулся обратно.

Женихи, услышав о благополучном возвращении Телемаха, пришли в изумление

и, узнав, что замысел их не удался, пали духом. Они тотчас покинули царский дом, сели у входа и стали советоваться между собой, как им теперь поступить.

Один из них, Эвримах, предложил возможно скорее отправить корабль, чтобы известить своих товарищей, которые ждали в засаде, о неудаче.

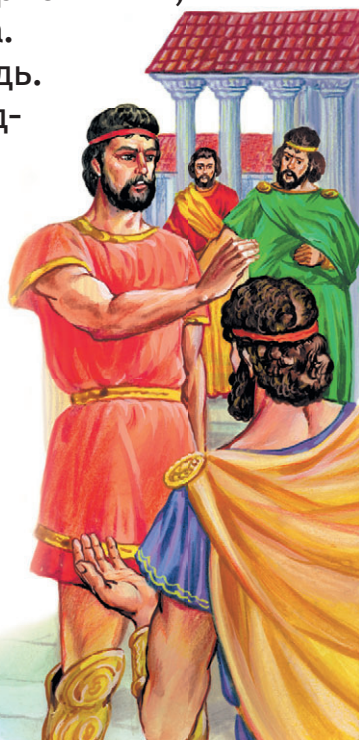
Только он это сказал, как один из женихов, Амфином, заметил входящий в гавань корабль, на котором гребцы убирали снасти и паруса. Вглядевшись, он понял, что это вернулся тот самый корабль, на котором женихи устраивали засаду на Телемаха, и, смеясь, Амфином воскликнул:

— Посылать за ними не надо, они уже возвратились!

Поднялись тогда все женихи и поспешили на пристань, чтобы узнать у прибывших, что им помешало убить Телемаха.

Вскоре все явились на площадь. На вопросы отвечал Антиной, предводитель засады:

— Мы каждый день сторожили его у пролива, на вершинах утёсов, а когда становилось темно, мы плавали на корабле по проливу, стараясь подстеречь Телемаха; но волей судьбы он от нас ускользнул и счастливо возвратился в Итаку. Теперь нам должно подумать, как распра-

виться с Телемахом. Здесь он от нас не уйдёт. Но он умён и хитёр, он может призвать на помощь народ, и, если узнают о том, что мы сговорились убить Телемаха, нас могут изгнать из Итаки. Можно напасть на него где-нибудь в поле или подстеречь около города на дороге. Его имущество мы разделили бы поровну между собой, а дом отдали бы Пенелопе и мужу, которого она изберёт среди нас.

Кончил речь Антиной, и все женихи молчали. Выступил тогда Амфином, который среди них отличался наибольшей честностью и прямоотой, и сказал:

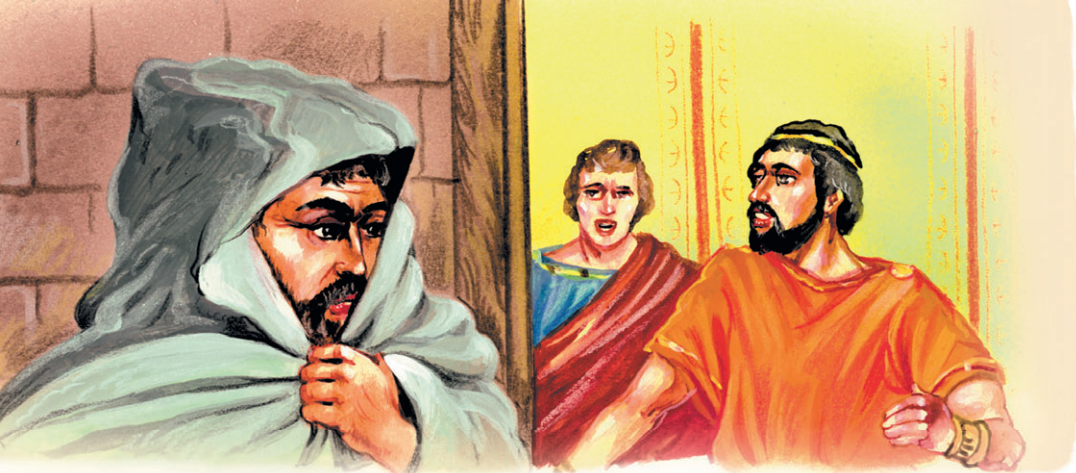
— Нет, убивать Телемаха я не хочу. Если Зевс намерение ваше одобрит, я готов исполнить волю Зевса, но пока от убийства вы воздержитесь.

Все остальные согласились с Амфином и тотчас направились в дом Одиссея на пир.

Но слышал гонец Медонт всё, что они меж собой говорили, и рассказал обо всём Пенелопе.

Когда женихи явились к ней в дом, вышла разумная Пенелопа из женских покоев в сопровождении служанок в зал, где женихи пировали, и, став у колонны, обратилась к Антиною с такими словами:

— Злой человек! Тебя здесь считают в Итаке умным в речах и в деле. Но в чём твой прославленный разум? Бешеный, что

побуждает тебя готовить убийство сына моего Телемаха? Не прав человек, замышляющий злое другому. Разве ты позабыл, как Одиссей спас твоего отца от народного гнева и, за него заступившись, укрыл в своём доме? А ты, его сын, грабишь добро Одиссея, огорчаешь его жену своим сватовством и сыну его готовишь гибель! Удержись и другим посоветуй то же!

Ответил за его Эвримах:

— О Пенелопа, благородная дочь старца Икария, успокойся! Не было, нет и не будет из нас никого, кто бы замыслил убить Телемаха. Я не забыл, как Одиссей ласкал меня в детстве, вот почему я больше всех люблю Телемаха. Нет, он не должен бояться смерти от руки женихов!

Так он говорил, утешая Пенелопу, а думал иное.

Ушла Пенелопа в свои покои и плакала долго, до самой ночи, вспоминая о милом своём Одиссее, пока наконец в слезах не уснула.

Одиссей и Телемах отправляются в город

Стало смеркаться, когда Эвмей вернулся в свою хижину, где находились Одиссей и Телемах.

И явилась тайно Афина и, прикоснувшись золотым жезлом к Одиссею, обратила его снова в нищего старца.

Когда Эвмей вернулся, он застал их, готовящих ужин.

Встретив Эвмея, Телемах стал его расспрашивать, что он видел и слышал в городе: вернулись ли женихи из засады или ещё стерегут его по дороге.

Обо всём рассказал Телемаху честный Эвмей, что он узнал, и Телемах с лёгкой улыбкой посмотрел на отца, и все трое сели за стол и, поужинав, вскоре уснули.

Только вышла на небо пурпурная Эос, как Телемах проснулся и, надев золотые сандалии, взяв в руку боевое копье, собрался идти.

— Я направляюсь в город, чтобы успокоить безутешную мать, а странника я пору-

чаю тебе, Эвмей. Отведи его в город, пусть он просит там себе подаяние, и без него у меня много забот.

Было раннее утро, когда Телемах ушёл в город. Придя в свой дом, он там женихов не застал. Поставив копье у колонны, он вошёл в комнату. Няня Эвриклея, увидев его, бросилась со слезами к нему навстречу и стала его обнимать. Сбежались слуги, и все радостно встретили Телемаха. За ними вышла Пенелопа, и была она, как Артемида, стройна, а красотой сияла, как Афродита.

Громко рыдая, она обняла любимого сына и в слезах говорила:

— Ты ли это, мой милый сын, возвратился? Когда ты отправился в Пилос, не простившись со мной, чтобы узнать об отце, я думала, ты живым назад не вернёшься. Расскажи мне всё по порядку, что ты видел и слышал.

Ласково ответил ей Телемах:

— Милая мать, иди в свой покой и пожелай, чтобы Зевс мне помог отомстить достойно врагам. Я же пойду на площадь, чтобы повидаться с людьми. И зайду к старику-чужеземцу, у которого хранятся подарки, полученные мной от Менелая.

Пенелопа послушалась сына и, поднявшись вверх в свой покой, надела чистые одежды, собираясь принести обильную жертву богам, если Зевс поможет сыну наказать врагов.

А Телемах, взяв копье, вышел из высокого царского дома. Афина Паллада одарила его красотой, и люди, увидев его, все удивлялись. Собрались вокруг него все женихи, говорили ему дружеские слова, а на сердце таили замыслы злые. Телемах, отойдя от них, обратился к старым друзьям отца, к Ментору и Антифату, которые участливо стали расспрашивать о его путешествии в Пилос, и Телемах рассказал им всё, что с ним было в дороге. Пришёл на площадь и Пирей, в доме которого хранились подарки Менелая. Пирей попросил Телемаха их взять, но сын Одиссея ответил Пирею:

— Ещё неизвестно, чем кончится дело. Если меня женихи убьют, они поделят между собой всё наше добро, и пусть лучше подарки Менелая достанутся тебе, а не им. Если же мне удастся уничтожить врагов, тогда ты мне сам принесёшь их в наш дом.

Телемах вернулся домой и рассказал Пенелопе всё по порядку о своём путешествии в Пилос, о том, как гостил он сначала у доброго Нестора, а затем отправился в Спарту; что он узнал об отце, который находится будто на острове у волшебницы Калипсо, но там нет корабля, на котором он мог бы домой вернуться. В то время, когда они беседовали между собой, женихи собрались во дворе царского дома и занялись метанием копий и дисков; но вскоре они

явились по зову глашатая в пиршественный зал к обеду.

Было утро, когда Одиссей вместе с Эвмеем отправились в город, оставив пастухов с собаками сторожить свиней. На Одиссее было рубище нищего, за плечами у него висела на верёвке в заплатах котомка; он опирался на толстую суковатую палку. Шли они медленно по каменистой дороге. Подходя к городу, они повстречали двух пастухов — одного из них звали Меланфий; они гнали в город на пир женихам откормленных коз. Увидев Эвмею, идущего с нищим старцем, Меланфий начал их задевать и над ними смеяться:

— Эй ты, свинопас, куда идёшь с этим нищим бродягой? Он, пожалуй, из тех, что, стоя в дверях, свои грязные спины о притолоку чешут! Этот мог бы у нас козьи хлева стеречь, их чистить и готовить козлятам подстилки. Он, пожалуй, быстро бы поправился, обжираясь у нас простоквашей. Но, видно, работа ему не по нраву, ему, пожалуй, приятней хлебом чужим набивать ненасытный желудок. Если ты его ведёшь в дом Одиссея, то женихи ему все ребра там поломают.

И Меланфий, подойдя к Одиссею, ударил его со всей силы ногой, но тот даже не пошатнулся.

И сказал Эвмей Меланфию:

— Если б домой Одиссей возвратился, он бы тебе показал, как без дела в город шататься, оставляя стада без присмотра!

— Чего ты рычишь, как злая собака? — крикнул Меланфий. — Погоди, наступит время, и я продам тебя на чужбину в рабство и выручу за тебя хорошие деньги. Скоро расправятся женихи с твоим Телемахом и отправят его вслед за отцом!

Меланфий пошёл вперёд и, придя к Одиссееву дому, вошёл в пиршественную залу и сел за стол с женихами.

Вскоре подошли к царскому дому и Эвмей с Одиссеем. Они услышали звук лиры из зала и голос певца Фемия. Когда Одиссей увидел свой дом, где не был так долго, он в волнении схватил за руку Эвмея и воскликнул:

— Мы, конечно, пришли к Одиссееву дому, его легко между другими отличить! Должно быть, сейчас там пируют — я слышу запах еды и звуки лиры, спутницы весёлого пира.

— Ты, старик, угадал, это дом Одиссея. Надо теперь подумать, кому из нас войти в него первым.

Ответил ему Одиссей хитроумный:

— Войди ты прежде один, а я здесь останусь.

Когда они разговаривали между собой, услышала их голос старая охотничья собака Аргус, которую когда-то выкормил сам Одиссей. Она лежала, больная, у ворот. Собака по голосу узнала своего старого хозяина, замахала хвостом и от радости

прижала уши. Ей хотелось броситься на встречу Одиссею, но у неё не было сил подняться.

Когда Одиссей увидел своего любимого Аргуса, который вспомнил его и первый узнал его в доме, он прослезился, но незаметно вытер слёзы и сказал:

— Эвмей, вон лежит у ворот собака. Видно, она хорошей породы, но быстра ли она на бегу? Может, она из тех, которых держат для роскоши знатные люди?

Ответил Эвмей:

— Это собака погибшего в дальних краях Одиссея. Когда он собирался плыть в далёкую Трою, она была лучшая в беге, но с тех пор, как хозяин её погиб, она брошена, и служанки забывают даже её накормить. Она, должно быть, скородохнет.

Сказав это, Эвмей вошёл в дом, где пировали наглые женихи.

И старый Аргус, дождавшись наконец после двадцатилетней разлуки своего хозяина, поник головой и околел у ног Одиссея.

Одиссей и женихи

Заметив Эвмея, Телемах кивнул ему головой, чтобы тот подошёл к нему. Эвмей пододвинул скамью к столу Телемаха и сел напротив него.

Вскоре явился в зал, где пировали женихи, и Одиссей в виде нищего старца и сел на пороге, прислонившись спиной к дверям. Когда Телемах увидел его, он взял со стола целый хлеб, мясо и, подавая его Эвмею, сказал:

— Возьми и отдай это нищему страннику. Скажи ему, чтобы он обошёл всех женихов и попросил бы у них подаяния. Бедного нищего надо скорей накормить.

Эвмей подал Одиссею еду, и тот начал есть, разложив мясо и хлеб на своей убогой котомке.

В это время запел свою песню певец Фемий, и Одиссей поднялся и начал обходить женихов, прося у них подаяния. Одни из женихов ему подавали, а другие отказывали, и поднялся с места Меланфий и сказал:

— Этого нищего я видел на дороге, его привёл сюда свинопас Эвмей.

И крикнул Антиной на Эвмея:

— Эй ты, свинопас проклятый, зачем ты привёл сюда этого человека? Мало ли у нас и так разных бродяг и попрошаек?

— Антиной, — ответил ему Эвмей, — разве кто в дом нищих приводит? Они сами приходят, но никто нищего из дому не гонит. Ты всегда был неласков со слугами Одиссея, но особенно был ты недобрым ко мне, но пока в живых Пенелопа и Телемах, я об этом мало забочусь.

Телемах успокоил Эвмея и сказал Антиною:

— Ты распоряжаешься у нас как хозяин и хочешь выгнать нищего из нашего дома, но делать этого ты не вправе. Я вижу — ты любишь поест, а другим давать не охотник!

Гневно ответил ему Антиной:

— Какие дерзкие речи я слышу от Телемаха! Если бы каждый из женихов подал этому лентяю-бродяге, то пищи ему хватило бы на целых три месяца. — И он схватил скамейку, стоявшую у него под ногами, в это время Одиссей подошёл к нему и стал у него просить подавание. Но Антиной грубо крикнул ему:

— Отойди от меня, бесстыдный бродяга!

Спокойно ответил ему Одиссей:

— Сердце у тебя не похоже на твою наружность.

И разгневанный Антиной бросил изо всех сил в Одиссея скамейку, и удар пришёлся ему в плечо, но Одиссей, как утёс, не пошатнулся, устоял на ногах. Молча тряхнув головой, он сел у порога, жалуясь громко на обиду, нанесённую ему Антиноем:

— Если есть справедливость на свете и для бедных, то ждёт тебя смерть, а не свадьба!

— Жри и молчи! — закричал Антиной. — А не то будешь ты выброшен рабами за дверь!

Грубый поступок Антиноя никто из женихов не одобрил, и некоторые из них говорили:

— Ты, Антиной, поступил несправедливо, ты обидел несчастного странника. Может, он один из бессмертных, явившийся к нам в образе нищего?

Телемах, видя, как оскорбляют его отца, скрыв свои слёзы, глубоко затаил в сердце обиду и месть.

Пенелопа, услыша, как женихи оскорбляют у неё в доме нищего, обратясь к рабыням, велела позвать к ней Эвмея.

— Слушай, Эвмей благородный, — обратилась к нему Пенелопа. — Скажи страннику, что я хотела бы с ним повидаться, — может быть, он что-нибудь слышал о муже моём. Мне кажется, он человек, много видавший на свете.

— Да, он странствовал много и немало в жизни своей испытал. Мне рассказал он

в беседе, будто жив Одиссей и находится близко к Итаке.

— Тогда приведи мне его немедленно, — сказала Пенелопа.

Эвмей передал Одиссею её желание:

— Хочет царица, мать Телемаха, тебя расспросить о муже своём, и если ты утетишь её доброй вестью, то получишь хитон и красивую обувь.

Но Одиссей, опасаясь дерзких женихов, просил её подождать до вечера и обещал рассказать всю правду, которую он знает о её муже.

Эвмей вскоре стал собираться домой и на прощание шепнул Телемаху:

— Я сейчас ухожу домой, а ты, милый, себя береги и будь осторожен: злые люди тебя окружают. — И он обещал Телемаху к утру вернуться назад.

А Пенелопа тем временем ждала с нетерпением, когда наступит вечер.

Встреча Одиссея с Иром

Солнце заходило за горы. Женихи собрались в царском доме и тешились пляской и пением. И вот вышел бродяга, всем известный в Итаке своей жадностью, нахальством и пьянством. Был он высокого роста,

но не очень силён. Звали его Арнеон, а в городе молодежь называла его Иром, что значит «гонец», оттого, что он был у всех на посылках.

Увидев нищего старца, он решил его выгнать из дома, боясь, что тот отобьёт у него кусок хлеба.

— Прочь от дверей, старик, пока тебя не вытащили отсюда за ноги! — крикнул Ир на него. — Убирайся отсюда подобру-поздорову, а не то дело окончится дракой!

Мрачно посмотрел на него Одиссей исподлобья и так ответил ему:

— Я здесь не делаю зла никому. Я такой же, как ты, нищий, почему ж ты завидуешь мне? Воли рукам не давай, и хотя я и стар, но плохо тебе придётся, и завтра мне будет просторней сидеть на этом пороге, и ты не будешь хозяйничать в доме царя Одиссея.

И началась возле порога между обоими нищими ссора, и Антиной с громким хохотом обратился к женихам:

— Такой весёлой шулки у нас ещё не бывало! — И женихи, смеясь, окружили нищих. — Там жарятся к ужину козы желудки. Кто выйдет из вас победителем в бое, тот получит один желудок в награду, — с усмешкой сказал Антиной. — Кроме того, мы тому позволим просить у нас подаяние.

Одиссей сначала колебался, подозревая, не кроется ли тут какая-нибудь хитрость, но потом он согласился и взял с женихов обещание не вмешиваться и не помогать Иру.

Сбросил Одиссей свои жалкие лохмотья, опоясался ими и всех удивил своим телом могучим, мускулистыми руками, шириной плеч и крепостью груди.

Увидев своего противника, Ир уже струсил. Антиной, заметив это, разгневанный, крикнул ему:

— Если ты будешь побеждён, я велю отправить тебя на корабле в Эпир, к царю Эхету, истребителю всех людей. Уж он там обрежет тебе нос и уши и бросит затем на съедение собакам! — И он кивнул рабам, которые силой подвели его к Одиссею.

И вот начался бой. Ударил Ир кулаком Одиссея в плечо, а Одиссей нанёс удар ему в шею, пониже уха, и кость сломалась, и хлынула у Ира кровь изо рта, и, стenea, он боком свалился на землю.

Одиссей, схватив противника за ногу, вытащил его во двор, придвинул к стене и, дав ему в руки палку, насмешливо молвил:

— Сиди теперь здесь, отгоняя свиней и собак и не обращай так жестоко с нищими, сам ведь ты — нищий, а не то будет с тобой ещё хуже.

Взвалив на плечи котомку, Одиссей вернулся к дверям и сел на пороге.

Гости встретили его громким смехом и, подойдя к нему, сказали:

— Спасибо тебе, что ты избавил нас навсегда от этого злого прожоры. Пусть исполнятся все желания твои, которые у тебя на сердце, а Ира мы отправим в Эпир к злому царю Эхету. — И Антиной подал Одиссею в награду за победу козий желудок, наполненный жиром и кровью, а Амфином поднёс ему два хлеба и чашу с вином и сказал:

— Ты беден сейчас, но да пошлют тебе боги богатство!

Поблагодарил его Одиссей:

— Амфином, я вижу, ты юноша благоразумный, так выслушай то, что хочу я тебе сказать. Всё на земле изменяется, всё проходит, и всего изменчивей счастье людское. Пока человек здоров и счастлив, он не думает о грозящем несчастье, но когда человек попадает в беду, он негодует и падает духом. Был я некогда славен и богат; но, увенчанный славой, я совершил много несправедливостей. Но горе тому, кто делает людям неправду! Я советую всякому избегать высокомерия и чванства. Я вижу, что женихи бесчинствуют здесь, губят добро Одиссея и обижают его жену. Я думаю, что Одиссей скоро вернётся, он уже близко отсюда. Будет лучше для тебя, если ты уйдёшь вовремя из этого дома, чтобы тебе не

встречаться с хозяином, когда он вернётся. Я знаю, что, когда он будет вести расчёт с женихами, дело не обойдётся без пролития крови.

Так убеждал Одиссей Амфинома, и тот тихо, в раздумье, вышел из царского дома; но и он не ушёл от судьбы.

Пенелопа перед женихами

Внушила Пенелопе Афина Паллада выйти вниз к женихам, чтобы разжечь ревностью их сердца и в то же время явиться достойной в глазах мужа и сына.

Но вдруг ей захотелось спать, и в то время, когда она уснула, сидя в кресле, Афина Паллада одарила её необычайной красотой, она стала стройна, как богиня Киприда. Когда в комнату к ней вошли две рабыни, она проснулась и спустилась по лестнице вниз и вошла в пиршественный зал.

Сияя красотой, она пришла к женихам и, укрыв щёки золотым покрывалом, встала возле колонны, и встали по бокам Пенелопы рабыни.

Увидев Пенелопу, женихи залюбовались её красотой.

Пенелопа подозвала к себе сына и сказала:

— Сын мой, в детском возрасте ты был разумней, чем теперь, когда ты стал уже зрелым мужем. Где же твой ум? Ты совсем забыл справедливость: почему ты позволяешь, чтобы в доме у нас совершалось незаконное дело? Как ты мог допустить, чтобы бедного странника в доме у нас оскорбляли?

— Милая мать, — ответил ей Телемах, — твой упрёк справедлив. Женихи, незванные гости, мой ум затемнили. Знаю, злое дело они замышляют. Как хотелось бы мне, чтобы они все лежали побитые, как и этот бродяга Ир!

В это время один из самых богатых женихов Итаки, Эвримах, прельщённый красотой Пенелопы, воскликнул:

— Если б ахейцы могли увидеть тебя, Пенелопа, то завтра собралось бы здесь женихов вдвое больше, ибо ты превосходишь своей красотой всех женщин!

— Нет, Эвримах, — отвечала ему Пенелопа, — я свою красоту потеряла с той поры, как ушли на быстроходных кораблях ахейцы в Трою и с ними ушёл мой муж Одиссей.

Если бы он вернулся, то возвратилась бы снова ко мне моя красота, а ныне я вяну от горя. Когда муж мой прощался со мной, он сказал мне:

«Не все возвратятся из Трои; я не знаю, суждено ли мне будет домой вернуться. Я оставляю дом

на твоё попечение, заботься о сыне, о матери и об отце. Если я погибну под Троей, то когда наш сын возмужает, ты можешь выйти замуж и дом наш покинуть!» И вот исполняются его слова, близится день ненавистой мне свадьбы. Вы нарушили наш старый обычай — прежде женихи, сватаясь, привозили в дом невесты быков и баранов, дарили подарки, а вы бесстыдно расхищаете наше добро!

Радостно было слышать Одиссею разумные слова Пенелопы.

Ответил ей Антиной:

— Каждый из нас охотно тебе подарки пришлёт, и ты благосклонно прими их; но мы не уйдём отсюда, пока ты не выберешь себе жениха.

Все женихи были с Антиноем согласны и тотчас послали гонцов за подарками.

Пенелопа, приняв ото всех подарки, тотчас ушла к себе в верхние комнаты дома.

Женихи остались внизу и тешились пением и пляской до самой ночи. Когда совсем уж стемнело, рабыни поставили три жаровни и зажгли в них сухие смолистые поленья.

Одиссей остался следить за огнём в жаровнях и наблюдал за женихами, раздумывая, как бы лучше им отомстить.

А между тем они стали снова оскорблять Одиссея, и Эвримах, обратившись к гостям и указывая на него, заметил:

— А и вправду сам бог послал нам этого старика, его лысая голова нам светит, как факел!

— Эвримах, — ответил ему Одиссей, — я хотел бы, чтобы сейчас наступила весна и каждому из нас дали бы в руку косу, — неизвестно, кто лучше из нас управился бы с работой; или чтобы вдруг сюда Одиссей вернулся и вошёл в эту залу, тогда, пожалуй, узкими вдруг показались бы тебе эти широкие двери для бегства!

Разгневался Эвримах и, схватив из-под ног скамейку, бросил её в Одиссея; но Одиссей успел нагнуться, и она пролетела мимо и выбила из рук виночерпия чашу с вином, а сам виночерпий упал со стоном на землю.

Поднялся шум среди женихов. Они, возмущаясь, говорили между собой:

— Было бы лучше, если бы этот бродяга издох где-нибудь по дороге; из-за него весёлый наш пир испорчен.

Тогда вмешался в их спор Телемах:

— Должно быть, вы пьяны. Довольно вы пировали, спать вам пора, время пришло по домам расходиться!

Вскоре все женихи, выпив вина на прощание, покинули царский дом.

Одиссей, оставшись вдвоём с сыном, предложил вынести тотчас из залы оружие.

Телемах согласился с отцом и, позвав няню Эвриклею, сказал ей:

— Надо вынести оружие отца в кладовую, оно здесь ржавеет и покрывается копотью.

Эвриклея была рада, что Телемах заботится о хозяйстве отца, и сказала:

— Но кто же тебе посветит факелом во время работы?

— Да вот этот старик, — ответил ей Телемах. — Никто в моём доме, кто хлеб получает, не должен быть праздным.

Встреча Одиссея с Пенелопой

Одиссей вместе с сыном начали переносить из опустевшего зала наверх в кладовую копья, щиты и медные шлемы.

Когда они перенесли оружие, Одиссей посоветовал сыну:

— Пора тебе, Телемах, отдохнуть, а я здесь останусь, присмотрю за работой слуганок и побеседую с Пенелопой. Она хочет меня о муже своём расспросить, я сердце её встревожу, пусть она, плача, о нём вспоминает.

И Телемах, взяв зажжённый факел, отправился спать в свою комнату.

Когда Одиссей остался один в опустевшем зале, Пенелопа вышла из верхних покоев, и была она лицом похожа на золотую

Афродиту и стройна, как молодая Артемида. С ней вошли рабыни, они стали убирать столы после пира и подложили в жаровни смолистых дров.

Пенелопа велела, чтобы подали страннику стул, и, когда Одиссей сел, она начала с ним беседу:

— Скажи мне, кто ты, добрый старик, и откуда ты родом? Кто твои мать и отец?

Одиссей ей ответил:

— Царица, спрашивай меня обо всём, но только не о моей отчизне, о семье и о доме, воспоминания о них горестны для меня; а в доме чужом ведь плакать не должно.

— Странник, — говорила ему Пенелопа, — я тоже свою красоту потеряла и слава моя исчезла с той поры, как мой муж Одиссей ушёл сражаться под Трою. Если бы он, мой желанный, вернулся, как была бы я счастлива снова! А теперь я дни провожу в страданиях и в горе, женихи преследуют меня, и даже хитростью я не могу от них избавиться.

И рассказала ему Пенелопа, как старалась она обмануть женихов:

— Однажды я велела поставить в своих покоях большой ткацкий станок и начала ткать на нём тонкую шерсть. Собрав женихов, я им объявила: «Давайте отложим свадьбу до тех пор, пока я не кончу начатой ткани; я хочу

выткать для старика Лаэрта погребальный саван, чтобы ахейские женщины меня не могли упрекнуть, что Лаэрт погребён без покрова». Женихи покорились моему желанию.

Я целые дни проводила за тканьем, а по ночам, при светильнике, всё натканное днём я распускала. Целых три года эта хитрость мне удавалась, но, когда наступил четвёртый год, тайну мою им открыла одна из рабынь, и однажды женихи застали меня за распущенной тканью. Теперь я не знаю, как мне избежать ненавистного брака. Ещё раз прошу тебя, странник, правду скажи мне, кто ты и откуда ты родом?

И ответил ей Одиссей хитроумный:

— Если ты очень хочешь узнать обо мне, то я тебе всё расскажу, хотя и печален будет рассказ мой. — И он ей рассказал вымышленную историю о себе:

— Я родом с прекрасного острова Крит. Зовут меня Аитон; был у меня брат Идомей, который ушёл вместе с Менелаем сражаться под Трою, а я, как младший, дома остался. На Крите я видел однажды Одиссея; его корабль занесло к нам бурей. Я пригласил его к себе, принял его во дворце и дружески его угощал целых двенадцать дней, ибо в море выйти было тогда невозможно — Борей бушевал всё время. Перед отплытием я снабдил Одиссея на дорогу вином и мясом и дружески

с ним простился. Потом корабль Одиссея вышел в открытое море. Это было двадцать лет тому назад.

Слёзы лились по щекам Пенелопы, когда она слушала этот рассказ.

Одиссей был рад этим слезам Пенелопы и сам был готов заплакать; но точно железом в тёмных ресницах сковал он глаза и, тронутый её горем, неподвижно глядел на жену.

Плача, стала просить Пенелопа рассказать ей, какой был тогда собой Одиссей, как был он одет и кто были его спутники.

— Давно это было, и трудно об этом мне вспомнить теперь, — сказал Одиссей, — но, насколько я помню, на нём была шерстяная мантия пурпурного цвета. Застёгивалась она двойной золотой и красивой застёжкой. Под мантией, помню, на нём был хитон из тонкой прекрасной ткани. Где взял он такую — не знаю, из дома ль привёз, или, может, кто её подарил — ведь многие люди Одиссея любили.

Снова показались слёзы на глазах Пенелопы — так верно этот нищий старик описал её мужа, и она сказала:

— Добрый странник, отныне ты будешь любим и почтён в моем доме. Но горе мне, горе! Я никогда не увижу мужа!

Одиссей начал её утешать и рассказывать, будто он слышал в

Эпире, что Одиссей находится там и скоро домой возвратится.

— Клянусь, что в этом году и в месяце этом он вернётся в солнечную родную Итаку!

Но Пенелопа поверить тому не могла.

— Нет, — говорила она, — никогда я больше уже его не увижу!

Она велела рабыням омыть страннику ноги и приготовить ему мягкое ложе, но Одиссей отказался от мягкой постели:

— Может, есть у вас в доме старуха, которая так же много на своём веку испытала, как я, той я позволил бы ноги себе омыть.

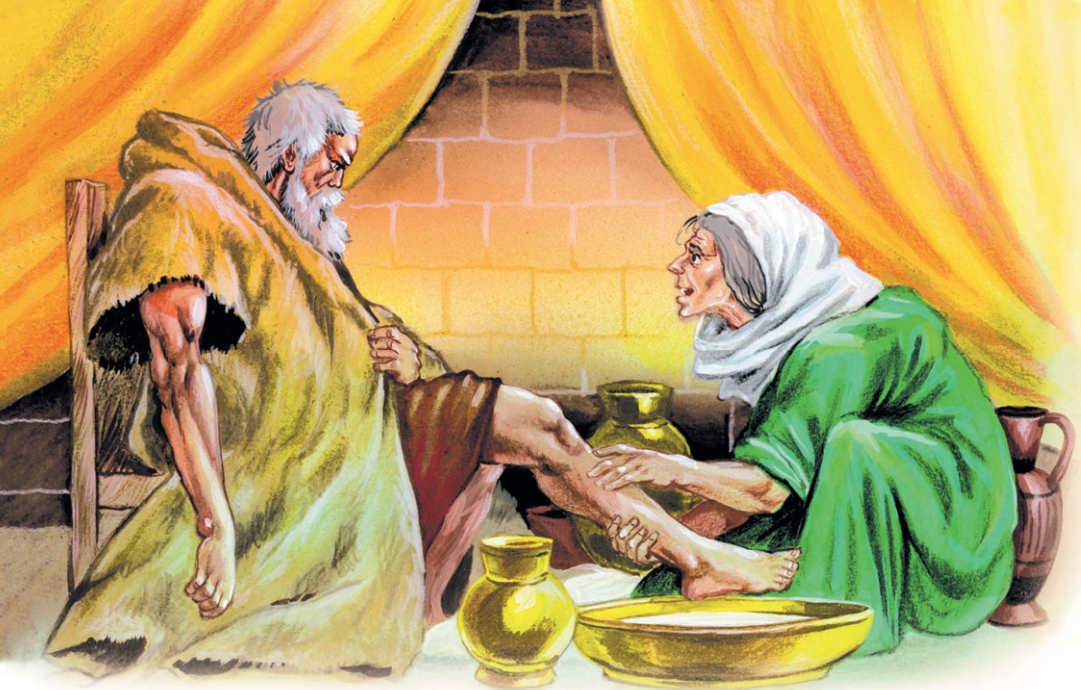
— Есть в доме у нас старуха-рабыня, что нянчила в детстве самого Одиссея, — ответила Пенелопа, и, позвав умную, добрую няню Эвриклею, она попросила её омыть страннику ноги.

Няня подошла к Одиссею, поглядела на него и, заплакав, сказала:

— Быть может, и его там тоже встречают бранью, как встретили тебя здесь наши рабыни. Никого я не видела, кто был бы так похож и ростом, и голосом на Одиссея, как ты.

Вот стала няня Эвриклея мыть Одиссею ноги; и вдруг она нащупала рубец на его правом коле-

не — след раны, нанесённой ему в юности во время охоты на дикого вепря, и тотчас узнала по рубцу Одиссея. От радости и изумления она опустила руки.

— Это ты, Одиссей, моё золотое дитя, и я-то тебя не узнала, пока не прикоснулась к тебе! — воскликнула няня, обняв ему колени; но Одиссей зажал ей рот рукой, а другою, притянув её ближе к себе, тихо ей на ухо молвил:

— Не говори ни слова! Да, я — Одиссей, но ты молчи, чтобы никто не узнал об этом в доме!

— Я всё сохраню в тайне; сердце моё будет твёрдым, как железо или камень. — И она вышла, чтобы принести в тазу тёплой воды. Омыв ему ноги, она натёрла их маслом; и Одиссей подвинулся ближе к огню,

чтобы согреться, и прикрыл лохмотьями свой рубец на колене.

Снова обратилась Пенелопа к Одиссею:

— Странник, хочу я тебя спросить ещё, что мне делать — остаться ли с сыном и смотреть за хозяйством, как того желал Одиссей и хочет сейчас народ, или выйти мне замуж?

Растолкуй мне сон, который мне снился. Есть у меня двадцать гусей. И вот виделось мне во сне, будто с горы прилетел орёл и их всех заклевал, будто лежат они мёртвые в доме моём, а орёл улетел, высоко поднялся в небо, и я во сне стала плакать. А орёл вдруг вернулся и, сев на высокую крышу царского дома, человеческим голосом молвил:

«Не печалься, моя Пенелопа, это не сон случайный, а сбудется всё как есть. Гуси — это твои женихи, а орёл, прилетевший их растерзать, — это я, твой Одиссей, который к тебе возвратился, женихам на погибель!»

Тут я проснулась и вышла во двор посмотреть на гусей, и вижу, что все они живы.

— Царица, — ответил ей странник, — твой сон можно объяснить только так, как растолковал его сам Одиссей. Твой сон предвещает смерть женихам.

Но с грустью сказала ему Пенелопа:

— Завтра наступает тот ненавистный день, когда заставят меня покинуть дом Одиссея. Но я хочу предложить женихам состязание

в стрельбе из лука. Мой муж Одиссей ставил, бывало, двенадцать жердей, с кольцами наверху, и, отойдя, он стрелу выпускал из лука, и она пролетала сквозь все двенадцать колец. И вот я решила: кто лучше натянет лук Одиссея и чья стрела пролетит через все двенадцать колец, тот и будет мужем моим. Но тяжело мне будет разлучаться с милым, родным мне домом.

И спокойно сказал Одиссей:

— Мой совет — не откладывать состязания. Верь мне, завтра вернётся к тебе твой муж, он явится прежде, чем кто из твоих женихов успеет тугой его лук натянуть.

Так сказал он, и вскоре они простились. Одиссей остался внизу и лёг спать в сенях; а Пенелопа поднялась в свои верхние покои, где она долго плакала, вспоминая ночью с тоской милого мужа.

Состязание в стрельбе из лука

Тёплой овчиной укрыла няня Одиссея, но не спалось ему: он лежал, глаз не смыкая, всё думал о том, как ему одному расправиться с женихами.

Но явилась в образе девушки Афина Паллада, тихо она подошла к его изголовью и сказала:

— Спи, ни о чём не тревожась. Знай, я приду на помощь тебе, и если бы нас окружило даже целых полсотни отрядов, то и тогда мы их одолеем. Спи, уже поздняя ночь, скоро окончатся беды твои.

Вскоре уснул Одиссей, а она на Олимп улетела. Но ночью он снова проснулся, услышав плач Пенелопы.

Он вышел во двор, и как раз в это время раздался удар грома. Рабыня, молотившая ночью ячмень и пшеницу на мельнице царской, в испуге сказала:

— Небо безоблачно, а ты, Зевс, посылаешь грозу. Кому послал ты знамение грома? Сжался надо мной, несчастной. С утра до поздней ночи должна я молоть зерно, я устала от тяжёлой работы, сделай так, чтобы завтрашний пир женихов был бы для них последним; мы устали угождать их обжорству.

Радостно было Одиссею слышать эти слова, и в сердце его утвердилась надежда.

Наступило утро; сошлись рабыни и развели жаркий огонь в большом очаге.

Проснулся и Телемах. Встав, он взял в руки меч и боевое копьё и, встретив на пороге няню Эвриклею, спросил:

— Напоила ли ты и накормила нищего странника в нашем доме? Спокойно ли спал он у нас?

И рассказала няня ему, что от пищи он отказался и спал в сенах на воловьих шкурах, укрытый овчиной.

Затем Телемах вышел из дому и, кликнув собак, отправился вместе с ними на площадь. Няня тем временем велела рабыням скорее прибрать в доме и приготовить всё к пиру. Эвмей пригнал на кухню трёх кабанов, самых жирных в стаде.

Между тем все женихи собрались вместе и стали совещаться о том, как им убить Телемаха. Вдруг показался на небе орёл, державший в когтях голубку, и Амфином заметил: «Друзья, я вижу, замысел наш не удастся. Подумаем лучше о пире». И все толпой направились в дом Одиссея.

Начался праздничный пир. Велел Телемах Одиссею сесть у порога широкой двери и, подвинув к нему маленький стол и простую скамейку, принёс ему мяса, подал чашу с вином.

— Ты сиди здесь, — сказал он с намерением хитрым, — пей вино вместе с моими гостями и обиды не бойся. Мой дом — не харчевня, где всякий сброд пирует, а дом царя Одиссея.

И, обращаясь к пирующим, он заметил:
— А вы, женихи, воздержитесь от слов непристойных и воли рукам не давайте, чтобы не было ссоры!

Все женихи его смелым словам удивились, и сказал Антиной:

— Не следует нам принимать слов Телемаха к сердцу. Пусть себе угрожает — если б не воля Зевса, мы давно бы покончили с ним, он стал говорун нестерпимый.

И вот стала Афина Паллада побуждать женихов к дерзким поступкам, чтобы сильнее пробудить у Одиссея желание мести.

Поднялся из-за стола один из женихов, по имени Ктесипп; человек он был глупый и дерзкий, был очень богат, и надменно заметил:

— Этот нищий старик уже получил свой кусок, но мне хотелось бы дать ему тоже, как гостю, подарок. — И он схватил большую коровью ногу, лежавшую на блюде, и кинул её в лицо Одиссею.

Но Одиссей успел нагнуть голову, и коровья нога, пролетев над ним, ударилась в стену.

Разгневанный Телемах поднялся с места и грозно сказал:

— Ктесипп, благодари Зевса, что ты не попал в старика, а то бы моё копье пронзило тебя вернее! Я скорее соглашусь быть убитым, чем быть свидетелем наглых поступков.

Никто из женихов не ожидал услышать от него такие слова, и поднялся тогда Агелай и сказал:

— Прав Телемах, на умное слово его вы не должны отвечать оскорблением. Я даю дружелюбный совет Телемаху: он должен посоветовать умной Пенелопе, чтобы она наконец избрала себе мужа, ведь нельзя сомневаться, что Одиссей домой никогда не вернётся.

Коротко ответил ему Телемах:

— Я матери в брак вступать не мешаю; напротив, я сам её убеж-

даю в этом, но уйти из нашего дома я принуждать её не могу.

В ответ женихи громко рассмеялись, вдруг лица у них исказились, они начали есть сырое мясо, и сердце у них от тоски заныло.

Прорицатель Феоклимен, видя это, воскликнул:

— Горе вам! Вижу, слёзы льются у вас из глаз, капает кровь со стен, мглой покрывается солнце, весь дом покрывается тьмою!

Но они снова расхохотались, и Эвримах заметил:

— Видно, Феоклимен спятил с ума; надо его проводить на площадь, пусть он подышит там свежим воздухом, если у него в глазах помутилось.

— Странные гости у тебя, однако, друг Телемах! — крикнул один из женихов. — Один — жадный бродяга, охотник до крох со стола, а другой сумасшедший. Было б неплохо продать их обоих в рабство, может, за них кто-нибудь дал бы большой слиток золота.

Но Телемах молчал. Он смотрел на отца, ожидая условного знака, чтобы начать с женихами расправу.

Пенелопа тем временем сидела в соседней комнате и слышала всё, что говорили женихи. Она встала и, взяв медный ключ, пошла в сопровождении двух рабынь в кладовую, где хранилось оружие Одиссея

и драгоценная утварь. Там же хранился и его лук со стрелами, принадлежавший Эвриту, самому знаменитому когда-то стрелку, и подаренный сыном его Одиссеею. Этот лук Одиссей хранил на память о нём и никогда не брал его с собой на войну.

Ототкнув замок и отодвинув засов, отперла дверь Пенелопа. Она вошла в кладовую, сняла со стены лук Одиссея, села и положила его на колени. Вынув его из чехла, она зарыдала, и долго-долго рыдала она. И вышла затем к женихам на пир. Вслед за ней шли рабыни, нёсшие лук и колчан, полный стрел медноострых.

Войдя в зал, она стала возле колонны и, прикрыв лицо покрывалом блестящим, сделала знак, чтобы все замолчали.

— Слушайте все вы, мои женихи, — так обратилась она к гостям, — долгое время вы разоряете наше хозяйство, каждый день проводя на пирах в Одиссеевом доме. Вы хотите принудить меня согласиться, чтобы вышла я замуж. Я готова на это, но прошу, чтобы вы помогли разрешить мне выбор. Вот лук Одиссея; тот, кто натянет его и чья стрела пролетит через все двенадцать колец, не задев их, того я выберу мужем своим, и с тем я уйду из милого светлого

дома, о котором я буду вспоминать даже во сне.

Тут велела она пастуху Эвмею подать женихам лук Одиссея и стрелы. Эвмей заплакал, взяв его в руки, заплакал и пастух Филотий. И крикнул на них Антиной, негодуя:

— Эй вы, грубые люди, чего разревелись? Вы что, ещё больше хотите опечалить свою госпожу? Плакать хотите, так прочь убирайтесь отсюда! Мы же, друзья, давайте пробовать силу и меткость. Но, может быть, здесь никого не найдётся, кто бы согнул этот лук?

Вот встал Телемах и сказал:

— Горе мне! Моя мать хочет покинуть наш дом, а я веселюсь и пирую. Но, одна-

ко, пора начинать состязание. Берите лук Одиссея и покажите на деле силу!

И, сбросив мантию с плеч, он сказал:

— Я тоже хочу попытаться натянуть лук своего отца и кольца пробить стрелой. Если мне это удастся, мне будет легче тогда терпеть одиночество в доме, зная, что и я не бессилен.

И он вышел из зала и стал укреплять во дворе жерди. Выровняв их по шнуру, он прочно забил их в землю. Став у порога, он схватил лук Одиссея и начал натягивать тетиву. Он трижды пытался его согнуть, но трижды могучий лук разгибался. Хотел он было в четвёртый раз натянуть его, удвоив-

ши силу, но Одиссей подал условный знак, и Телемах остановился.

— Ваш черёд, женихи! Я, должно быть, рождён недостаточно сильным, вы, пожалуй, сильнее меня.

Тут, торжествуя, сказал Антиной женихам:

— Теперь попытаемся мы. Друзья, начинайте подходить по порядку справа налево, как вино на пирах подавать начинают.

Первым поднялся Леодей, сидевший на самом краю стола. Став у порога, он взял лук Одиссея, но согнуть его он не смог и, огорчённый, воскликнул:

— Нет, мне не по силам лук Одиссея! Видно, придётся нам, утомив свои руки, искать другую ахейскую женщину. — И он поставил в углу у дверей стрелы и лук.

Гневно к нему Антиной обратился:

— Грустное слово ты молвил, мне слышать его неприятно. Ты, пожалуй, рождён быть бессильным, а не могучим властителем лука. Но помни, что есть среди нас другие, которые смогут с ним совладать. — И, подзвав пастуха Меланфия, он велел ему разложить во дворе огонь и принести из кладовой кусок жирного сала.

— Мы на огне подогреем тугой лук Одиссея и смажем салом его, — объявил Антиной.

Растопив сало, женихи начали смазывать лук, чтоб он сделался гибче, но и после того никто из них не мог его натянуть. И вот наступил черёд Антиной и Эвримаха. Как раз в это время вышли из дома свинопас Эвмей и пастух Филотий. Заметив это, следом за ними вышел и Одиссей, и, остановив их, он тихо сказал им:

— Верные Эвмей и Филотий, могу ли я довериться вам? Скажите, что сделали б вы, если бы вдруг явился сюда Одиссей? На чью бы вы сторону стали? Ответьте мне прямо.

— О, если б исполнилось наше желание и вернулся бы к нам Одиссей, то он бы увидел, что мы тотчас ему помогли бы! — ответил Филотий. То же подтвердил и Эвмей.

Тогда Одиссей, убедившись в их верности, объявил им:

— Так знайте, что я — Одиссей, который вернулся в родную Итаку после долгих ски-

таний и бед. Если Зевс мне поможет истребить женихов, я вас награжу и будете жить вы со мною, как братья сыну моему Телемаху. А для того чтобы вы поверили мне, вот рубец на колене, вам знакомый; помните, был я однажды ранен вепрем, когда охотился на Парнасе. — И Одиссей, откинув лохмотья, открыл колено и показал им рубец, который пастухи тотчас узнали.

Заплакав от радости, они крепко обняли своего хозяина. Одиссей сказал им:

— Плакать оставьте, чтобы никто не узнал нашей тайны. В зал входите не вместе; я первый войду, а вы после меня. Ждите знака, который я вам подам. Женихи, я думаю, не допустят меня к состязанию, но ты, Эвмей, сам принеси мне лук и колчан, не дожидаясь приказа. Вели рабыням крепко на ключ запереть двери, ведущие в женскую половину, и пусть они все спокойно сидят за работой, даже если услышат шум или стон. А тебя, Филотий, я прошу запереть на замок ворота, засов задвинуть и затянуть его крепко ремнём.

И Одиссей тотчас вернулся в зал, где женихи пировали, и сел на своё прежнее место; а вскоре за ним вошли пастухи Эвмей и Филотий.

В это время Эвримах разогревал над огнём лук Одиссея и смазывал его салом, но, однако, как ни старался, но тетивы натянуть он не мог. Раздосадованный неудачей, он громко воскликнул:

— Мне обидно и стыдно за себя и за вас, друзья! Не о том я грущу, что мне придётся отказаться от Пенелопы, — много есть прекрасных невест в Итаке и в других городах; досадно мне то, что мы куда слабей Одиссея, и это состязание нас покроет стыдом и позором навеки.

— Нет, Эвримах, — крикнул ему Антиной горделивый, — будь уверен, что этого не случится! Спрячем лук до завтра, а утром принесём жертву светлому Аполлону, сгибателю лука, и закончим тогда состязание.

Всем женихам пришлось по сердцу слова Антиноя, и они одобрили его предложение.

Тут подали слуги им воду, чтобы руки умыть, а молодые рабыни наполнили чаши вином и стали разносить их гостям, начав, по обычаю, справа.

Встал тогда Одиссей и сказал женихам:

— Прав Антиной, его предложение кстати. Лук отложите, а завтра решит Аполлон, кто из вас победителем выйдет. Но позвольте и мне взять этот лук чудесный и при вас испытать, осталась ли прежняя сила в моих престарелых руках.

Гневно ответил ему злой Антиной:

— Ты, старый бродяга, должно быть, и вовсе ума лишился. Будь доволен и тем, что тебе позволяют сидеть вместе с нами на этом пиру. Пожалуй, ты пьян, но смотри, берегись беды! Если осмелишься ты этот лук натянуть, то не будешь за это прославлен, а будешь отправлен к злому царю Эхету; он обрежет тебе уши и нос и бросит на съедение псам. Уж лучше сиди и силой не спорь с молодыми.

Но Пенелопа ему возразила:

— Нет, Антиной, будет несправедливо, если мы не позволим гостю участвовать в состязании. Не боишься ли ты, что он сможет натянуть лук Одиссея и будет свататься за меня?

— Нет, не того мы боимся, а страшны нам насмешки, что нищий старик может нас победить в состязании, — ей отвечал Эвримах.

— Нет, ты не прав. Гораздо позорней, когда на пирах расточают чужое добро, как делаете это вы. Странник ростом высок и, видно, силен, дайте ему лук, и мы посмотрим, что будет. Если он победит, я подарю ему мантию, меч и сандалии.

Но вмешался в их спор Телемах; он посоветовал матери уйти к себе и заняться хозяйством.

Пенелопа послушалась сына и, затворившись в женских покоях, плакала долго, горя об Одиссее, и вскоре в слезах уснула.

Взял Эвмей лук и стрелы и подал их Одиссею, но женихи на него закричали:

— Стой, свинопас проклятый, кому подаёшь ты лук? Если мы победим, ты будешь брошен на съедение твоим же собственным псам!

Испуганный Эвмей хотел было поставить лук на место, но Телемах гневно крикнул ему:

— Подай лук сюда! Здесь ты должен слушаться меня одного!

В ответ на его слова все женихи громко расхохотались, но в сердце затаили досаду; Эвмей, подав лук Одиссею, поспешил к няне Эвриклее и приказал ей запереть все двери, ведущие в зал. А Филотий тем временем тайно вышел во двор и запер на замок и на засов ворота, вернулся назад и сел на прежнее место. Он всё время вглядывался в Одиссея, который, взяв лук, стал рассматривать его, цел ли он и всё ли в нём в порядке. Женихи смотрели на Одиссея и переглядывались между собой:

— Смотрите, как этот нищий бродяга рассматривает его, — говорили одни. — Видно, он в луках знаток, — говорили другие, и насмешливо замечали третьи: — Пусть ему всё удастся так же, как и в состязании этом!

Одиссей, осмотрев внимательно лук, вдруг натянул его так же легко, как певец, привыкший играть на лире, к песне гото-

вась, настраивает её и умело натягивает на ней упругие струны.

Одиссей, быстро схватив стрелу, натянул тетиву, прицелился — и стрела пролетела через все двенадцать колец, их не задев.

— Видишь, — обратился стрелок к Телемаху, — твой гость не опозорил тебя! В цель я попал и лук натянул свободно. Хотя иные здесь надо мной и смеялись, но, видно, прежней силы я не утратил. Однако, пока не стемнело, надо устроить гостям угощение иное; надо спеть им на новый лад, играя на звонкой лире, — так сказал Одиссей и повёл бровями. Это был условный знак Телемаху. Он понял его и, опоясавшись мечом и взяв боевое копьё, стал рядом с отцом.

Месть женихам

Вот Одиссей хитроумный, сбросив с себя лохмотья, схватил лук и колчан и вскочил на высокий порог двери. Обратившись к женихам, смотревшим на него в изумлении, он громко воскликнул:

— Друзья-женихи, пора начинать состязание другое! Теперь я хочу выбрать иную

цель, в какую никто не стрелял до сих пор. Я надеюсь, что Аполлон мне поможет не промахнуться!

Он поднял лук и быстро нацелился в Антиноя. Тот в это время беззаботно сидел за столом, не предчувствуя смерти, и подносил к губам золотую чашу с вином. Но просвистела стрела, и упал он, пронзённый в горло; и хлынула чёрная кровь из рта.

Увидев, что Антиной убит, женихи подняли страшный крик. Все поднялись с мест и кинулись за оружием, но не было на стене ни щита, ни копья боевого.

И закричали разъярённые женихи на Одиссея, грозя ему смертью:

— Ты убил самого знатного юношу Итаки, так знай, что скоро коршуны расклюют твоё тело!

Мрачно посмотрел на них Одиссей исподлобья и крикнул во весь голос:

— Злые собаки, вам думалось, что я никогда не вернусь из Трои, и вы решили грабить мой дом и, правду забыв, принудить жену к ненавистному браку. Но знайте, что близок час вашей гибели!

Все женихи были в ужасе и искали глазами дорогу, куда им бежать.

Первым опомнился Эвримах и сказал:

— Если ты и вправду царь Одиссей, который вернулся домой, то обвинения твои справедливы. Но главный виновник всему Антиной, он мёртвый лежит пред тобою; он всех злодеяний зачинщик. Это он замышлял убить Телемаха и захватить власть в Итаке. А ты, Одиссей благородный, нас не губи — мы меньше всего виновны. Назначь нам какую хочешь уплату за всё, что здесь истрачено нами. Мы готовы охотно расплатиться золотом, и каждый из нас даст тебе двенадцать быков, чтобы успокоить твой гнев.

Но мрачно глянул на них Одиссей исподлобья и ответил:

— Нет, Эвримах, до той поры я не успокоюсь, пока кровью не отплачу вам за все ваши обиды. Остается выбор один — сражайтесь со мной, защищаясь, или бегите отсюда, но от гибели вам всё равно не уйти!

Дрогнуло сердце у всех. Обратился тогда Эвримах к друзьям, их ободряя:

— Он не уймётся до тех пор, пока всех нас не убьёт. Друзья, не дадимся же ему

мы без боя! Скорее берите мечи, а от стрел укройтесь столами. Кинемся всей толпой на него и, сбросив его с порога, направимся в город, чтоб кликнуть на помощь друзей.

Он выхватил меч и с диким криком кинулся на Одиссея, но его стрела попала Эвримаху прямо в сердце.

Тут вскочил Амфином и ринулся, размахивая мечом, желая пробиться к двери; но бросил в него копье Телемах, оно вонзилось ему в спину и пробило грудь, и со стоном Амфином упал наземь.

Телемах отскочил в сторону, но не вынул копья из груди Амфинома, опасаясь, чтобы кто-нибудь из врагов не ударил его сбоку, и поспешил отойти под защиту отца.

Затем он бросился в верхнюю комнату дома, где хранилось оружие, взял оттуда четыре щита, восемь копий и четыре шлема, украшенных конскими хвостами и, надев на себя медные латы, вернулся назад с оружием — для отца, для себя и для пастухов Филотия и Эвмея.

Быстро вооружившись, встали они рядом с Одиссеем, потрясая копьями. Пока у Одиссея оставались стрелы, он продолжал, стоя на пороге, разить ими без промаха одного жениха за другим.

Но вскоре колчан опустел. Тогда Одисей отложил лук и, укрывшись кожаным толстым щитом, надел на голову меднокованный шлем и, взяв в руку два боевых копья, велел Эвмею стать возле узкой потайной двери, откуда был выход из дома, чтоб отрезать врагам отступление. Но когда Эвмей отошёл от двери, чтобы вооружиться, это заметил один из женихов — Агелай и посоветовал своим друзьям, чтобы они попытались пробраться к выходу. Но коварный Меланфий объяснил им, что дверь эта слишком узка, и обещал тотчас пробраться тайком в комнату, где хранилось оружие. Ему удалось пробраться туда в обход, и он вынес двенадцать щитов, столько же копий и шлемов, которые тотчас раздал женихам.

Глянул Одиссей и увидел, что женихи вооружаются, что в руках у них длинные копья, на головах шлемы, и подумал, что ждёт его верная гибель. И он сказал Телемаху:

— Должно быть, кто-нибудь нам изменил, не Меланфий ли подлый?

— Это я второпях забыл запереть дверь оружейной комнаты, и ловкий лазутчик пробрался туда, — тихо ответил ему Телемах. — Слушай, Эвмей, — продолжал он, — скорее беги туда, спрячься за дверью и жди.

И когда коварный предатель Меланфий снова пошёл за оружием, Эвмей и Филотий,

подкравшись, кинулись на него и, крепко связав ему ноги и руки, привязали к колонне.

— Спи спокойно, Меланфий, — молвил с насмешкой Эвмей, — и смотри не забудь завтра пригнать коз на пир женихам! — И они закрыли двери на ключ; затем поспешили на помощь Одиссею. Стояли теперь против целой толпы женихов четверо грозно на высоком пороге.

И явилась Одиссею Афина Паллада в образе его старого друга юности Ментора и подняла мужество в нём, а затем лёгкой ласточкой она обернулась и села на закопчённую дымом перекладину под сводами дома.

Вот бросились в бой женихи, и крикнул Агелай, их ободряя:

— Он скоро от боя устанет! Друг его Ментор, нахвастав, покинул его, и он, беззащитный, стоит на пороге. Разом копий, друзья, не бросайте, бросьте сначала шесть, и великая будет нам слава, если нам удастся сломить Одиссея. — И они кинули сразу шесть копий, но промахнулись.

— Теперь наш черёд! — громко сказал Одиссей. И все четверо, нацелившись, кинули копья, и — четверо женихов, впереди наступавших, упали на землю.

Отступали к стене женихи, но, назад отходя, успели вытащить копья из трупов убитых и снова кинули их в Одиссея. Но и теперь они промахнулись, но удалось Анфиомедонту ранить Телемаха в руку, и оцарапал плечо под щитом Эвмею Ктесипп, но тотчас он пал под ударом копья Эвмея.

— Это тебе за коровью ногу, которую кинул ты в нищего Одиссея! — крикнул он Ктесиппу, похваляясь удачным ударом.

Пал от удара копья Одиссея Агелай, и насквозь пронзил Телемах Анфиомедонта.

И овладел ужас другими; стали они метаться по залу, не зная, куда им бежать, где им спастись.

Вот подбежал к Одиссею Леодей, он упал перед ним на колени и стал просить о пощаде:

— Я был прорицателем у женихов, никого из живущих в доме твоём не обидел, сдерживая многих от постыдных поступков.

Но ответил ему Одиссей:

— Если ты был у них прорицателем, то, должно быть, за них ты молился. — И, выхватив меч из рук умирающего Агелая, он ударил с размаху Леодея, и тот упал замертво наземь.

Дрожал от ужаса Фемий-певец, услаждавший на пирах женихов своим пением; приблизившись к дверям, он держал в руках лиру.

Став на колени и положив бережно лиру на пол, он просил Одиссея его пощадить:

— Сын Лаэрта, Одиссей благородный! Не губи песнопевца! Телемах свидетель тому, что я был приведён сюда силой, меня здесь петь принуждали.

И крикнул Телемах Одиссею:

— Отец, не убивай его, он неповинен! Пощади и честного глашатая Медонта, он заботливо нянчил меня, когда был я ребёнком.

Медонт в это время лежал под столом, укрывшись коровьею шкурой. Услыхав доброе слово, он подбежал к Телемаху и, обняв его колени, стал их целовать. «Заступись за меня, мой родимый!» — молил он его, и сказал Одиссей, улыбнувшись:

— За свое спасение благодари Телемаха. Знайте и другим расскажите, что делать

добрые дела лучше, чем злые; а ты, Фемий, выйди скорее из дома вместе с Медонтом, сядь у ворот и песню сложи нам.

Оба вышли и сели у алтаря, посвящённого Зевсу.

Оглянулся вокруг Одиссей и увидел, что из женихов уже никто не остался в живых. И сказал Одиссей Телемаху:

— Надо позвать сюда Эвриклею.

И няня-старуха тотчас явилась. Увидав Одиссея, покрытого потом и кровью, который стоял среди груды убитых, она закричала, радуясь этой победе.

Но Одиссей ей заметил:

— Няня, не должно показывать радость над трупом врага.

Затем он велел Эвриклею позвать рабынь, и они вынесли трупы убитых, обмыли столы и стулья, и привели всё в порядок.

— А теперь, — сказал Одиссей Эвриклею, — принеси мне огня и очистительной серы, надо скорей окурить дом. Потом позови сюда Пенелопу и всех служанок.

Когда Одиссею принесли огня и очистительной серы, он начал окуривать комнаты дома и широкий, обнесённый стеной двор. Затем няня Эвриклея позвала верных служанок. Они спустились в зал с факелами в руках, окружили толпой Одиссея и, приветствуя его возвращение, целовали ему руки и плечи. И заплакал он от радости и печали, узнавая всех своих верных слуг.

Одиссей и Пенелопа

Тем временем няня Эвриклея поднялась наверх к Пенелопе сообщить ей радостную весть о том, что Одиссей возвратился. Подойдя к изголовью спящей Пенелопы, она тихо сказала:

— Проснись, моё золотое дитя Пенелопа, ты увидишь сейчас того, кого ты так долго ждала. Он уничтожил всех дерзких женихов, оскорблявших тебя и сына.

Но Пенелопа, проснувшись и не поверив словам няни, ответила ей:

— Милая Эвриклея, ты, должно быть, лишилась рассудка, в здравом уме ты не стала б смеяться над моею печалью.

— Нет, не смеяться над тобой я пришла, — ответила няня, — а сказать тебе

правду, что Одиссей находится в доме, что тот нищий старик, над которым все смеялись, это и есть твой муж. Телемах знал об этом, но скрывал до времени тайну отца, чтобы верней отомстить женихам.

Радостно бросилась к няне на шею Пенелопа и, плача, сказала:

— Няня, если ты правду сказала, что Одиссей вернулся, то объясни мне, как мог он справиться с целой толпой женихов?

— Я об этом не знаю. Когда мы все вместе сидели в комнате, запершись на ключ, боясь вымолвить слово, я слышала издали стоны раненых, а затем нас позвали Телемах и Одиссей. Я сошла вниз и увидела Одиссея: он стоял среди груды убитых, лежавших на полу, обагрённый кровью. Затем он стал окуривать дом очистительной серой, а сейчас прислал меня за тобой.

— Не будем радоваться прежде времени, — сказала Эвриклея Пенелопа. — Было бы великим счастьем, если бы всё это было правдой, но я этому не верю. Это не он, а один из бессмертных явился и пришёл наказать женихов за все их злодеяния. Мужа мне никогда не увидеть, он погиб далеко от родимой Итаки.

Но ответила ей няня Эвриклея:

— Моё дорогое дитя, вчера я своими глазами видела рубец на его колене от раны, нанесённой ему когда-то диким вепрем во время охоты. Когда я мыла ему ноги, этот

рубец я узнала и хотела тебе об этом сказать, но он мне велел молчать.

— Мне трудно поверить тебе, но давай спустимся вниз к Телемаху. Я посмотрю на убитых и на того, кто убил их.

И Пенелопа стала в тревоге спускаться в зал, не зная, как ей поступить: издали с ним говорить или подойти тотчас к нему и поцеловать ему голову, руки и плечи.

Переступила Пенелопа высокий порог, вошла в зал и села у пылающего очага. У высокой колонны, против неё, сидел Одиссей, ожидая, что скажет ему Пенелопа.

Долго сидела она в молчании, тревожно билось сердце у неё — то глянет она на него и увидит, что это и вправду он, Одиссей, перед ней, то снова не верит тому и видит в жалком рубище нищего старца.

Подошёл наконец Телемах к матери и воскликнул с досадой:

— Милая мать, почему ты сидишь печальная и ласкового слова не скажешь ему? Почему его не расспросишь и так недоверчиво мужа встречаешь? Неужто сердце твоё бесчувственней камня?

— Милый мой сын, сильно волнуется сердце моё, и от волнения я вымолвить слова не в силах, я даже не смею ему посмотреть в глаза. Но если это и вправду царь Одиссей, мы можем друг другу открыться — есть у нас тайные знаки, неизвестные людям другим.

Тут Одиссей улыбнулся и сказал Телемаху:

— Друг, не тревожь свою мать понапрасну и дай ей меня расспросить. Ей трудно меня узнать в рубище нищего. Но надо подумать, как нам теперь поступить. Мы погубили знатнейших юношей Итаки, и нам следует теперь опасаться мести их родных и друзей. Нам надо омыться и надеть на себя богатые одежды, как на праздник, и пусть получше оденутся наши рабыни, позови певца со звонкою лирою; пусть он ведёт хоровод, управляя весёлою пляской, чтобы все прохожие думали, что в доме празднуют свадьбу. Надо, чтобы никто в городе не узнал об убийстве женихов, пока мы не уйдём отсюда в поле, в наш сад плодовой. Там мы решим, как поступить нам дальше.

Совет Одиссея был тотчас исполнен. Все оделись в чистые праздничные одежды, рабыни повели хоровод, а певец, настроив лиру, запел весёлую песню для пляски. Загремел весь дом от топота ног и звучного пения, и всякий, проходивший по улице, думал: «Должно быть, Пенелопа наконец решила праздновать свадьбу».

В это время Одиссей мылся в купальне, натёрла тело ему Эвриклея благовонным оливковым маслом. Он надел лёгкий хитон и стал вдруг снова красив, станом высок и строен, и вились у него золотисто-тёмные волосы. Вышел он из купальни, похожий

на лучезарного бога Аполлона, вернулся в пиршественную залу и сел на прежнее место напротив Пенелопы.

— Непонятлива ты, — молвил он ей, — у тебя не нежное женское сердце, и нет, пожалуй, на свете жены, что встретила бы так неласково и недоверчиво мужа, вернувшегося домой после долгой разлуки. Няня, приготовь мне постель одному, у женщины этой железное сердце.

— Это ты непонятлив! — отвечала ему разумная Пенелопа. — Не из гордости или от изумления я от тебя отдаляюсь, я живо помню, каким ты был, покидая Итаку. Няня,

приготовь ему постель не в спальне, построенной им, а в комнате, куда вынесено его ложе. Положи ему мягких овчин и широким накрой покрывалом, — так говорила она, желая испытать Одиссея.

И с досадой воскликнул Одиссей:

— Кто же мог вынести из спальни моё ложе? Даже самый сильнейший не в силах был бы этого сделать, даже если бы сдвинуть его рычагом он пытался. Я сам своё ложе сделал, и в устройстве его есть тайна, известная мне одному. Во дворе когда-то росла большая олива, её ствол был толщиной в колонну. Я возвёл вокруг неё высокие стены из широких тёсанных камней, вывел свод, сделал дощатые двери, а затем подрубил её ствол топором и на низком обрубке его, по шнуру его обтесав у корня, поставил я ложе. Я украсил его золотом, серебром и слоновою костью; раму ложа я стянул ремнями из кожи воловьей и обшил её красной тканью. Сохранилось ли ложе моё, я не знаю, но если сняли его, то, должно быть, спилили оливу под самый корень.

Задрожали колени и сердце у Пенелопы, когда она услышала эти слова и узнала наконец Одиссея.

Заплавав навзрыд, бросилась она обнимать мужа, и, нежно целуя его милую голову, она говорила:

— Не сердись на меня, Одиссей, ты самый разумный и добрый между людьми. Не

гневайся на меня, не делай упрёков, что я не сразу к тебе приласкалась. Одиссей, моё сердце боялось, чтобы не обманул меня кто-нибудь словом коварным. А теперь, когда ты так подробно рассказал нашу тайну, описал все приметы, известные только нам, ты меня убедил, Одиссей.

Плача, обнял он свою верную, разумную Пенелопу, и она прижалась к нему с радостным чувством.

Их могла бы застать в слезах, в глубоком волнении утренняя заря, если бы Афина Паллада не удержала ночь на небе и не запретила румяной Эос гнать из Океана легконогих коней.

Уже наступила глубокая полночь, и давно легла отдыхать няня, давно уже в доме

утихли пляски и песни, и все легли уже спать, но долго ещё слушала Пенелопа с затаённым волнением чудесный рассказ Одиссея о скитаниях его. Потом он слушал рассказ Пенелопы о том, как жила она в доме одна, его дожидаясь, об испытанных ею обидах, тревогах и горе и о том, как долго, тоскуя, ждала она милого мужа.

Наступила поздняя ночь, и сказал наконец Одиссей:

— Знай, что это ещё не конец испытаниям нашим. Много ещё предстоит впереди мне трудов, и немало тяжких подвигов должен я совершить. Но время давно нам спать наступило.

Одиссей у Лаэрта

Когда вышла на небо из мрака румяная Эос и озарила светом людей, проснулся Одиссей и, поднявшись с мягкого ложа, сказал Пенелопе:

— Ты наблюдай за хозяйством в доме, а я попытаюсь вернуть то, что было разграблено наглыми женихами; часть я завоюю, а другую ахейцы отдадут мне добровольно. Но надо мне прежде всего наш сад посетить и побывать на поле, я хочу увидеть отца, сокрушённого горем. А ты, Пенелопа, будь настороже — утром разнесётся по городу весть о гибели всех женихов. Уйди наверх с рабынями вместе, никому не являйся, ни с кем не веди разговор и вели запретить двери дома.

Он вооружился, разбудил Телемаха, Филотия и Эвмея и велел им взять с собою оружие. Вышли они из ворот, Одиссей шёл впереди. Было раннее утро, и они, крытые мглой, которой их окутала Афина, направились по улицам города в поле.

Они вскоре дошли до широкого поля, которое обрабатывал старый Лаэрт, отец Одиссея. Там был и плодовый сад, и дом небольшой, окружённый широким навесом. Днём работали вместе с Лаэртом рабы, в доме том они обедали и отдыхали; находилась в доме ещё старуха-рабыня, помогавшая Лаэрту в хозяйстве.

Сказал Одиссей Телемаху и спутникам:

— Войдите в дом и зарежьте свинью на обед, а я пойду к отцу, я хочу испытать, узнает ли он меня после долгой разлуки.

Затем, вручив рабам оружие, Одиссей быстро направился к плодовому саду, надеясь там встретить отца. Он застал его одного. Лаэрт подчищал плодовое дерево; одет он был бедно, его одежда была вся в заплатах, на ногах у него были простые сандалии из бычьей кожи, на руках рукавицы, защищавшие их от острых терновых колючек, на голове шапка из козьей шкуры.

Одиссей спрятался за грушей и, глядя на отца, заплакал. Долго стоял Одиссей в молчании, не зная, что делать: открыться ли сразу отцу, прижать к груди старика и, руки его целуя, сказать о своём возвращении или сперва с ним заговорить и подготовить сначала к встрече.

Подошёл Одиссей к Лаэрту, когда тот, наклонив голову, окапывал мотыгой дерево, и обратился к нему:

— Ты, старик, видно, хороший садовник. Сад твой в большом порядке, за каждым деревом ты ухаживаешь с любовью, но должен тебе я сказать по правде, что о себе ты заботишься мало, ты бедно одет. Не за леность, пожалуй, твой хозяин тобой недоволен, да и ты не похож совсем на раба. Скажи мне, чей это сад и кто твой хозяин? Правда ли, что попал я в Итаку, как сказал

мне встреченный мной по пути человек? Он был неприветлив ко мне, ничего не ответил, когда я расспрашивать стал об одном гражданине Итаки, который когда-то гостил у меня и мне говорил, что отец его царь Лаэрт, и, когда этот гость от меня уезжал, я одарил его щедро.

И, заплакав, старик отвечал Одиссею:

— Да, чужеземец, эта страна зовётся Итакой. Но того человека, который был твоим гостем, здесь давно уже нет. Скажи мне, сколько прошло лет с тех пор, как ты видел его? Это был мой несчастный сын Одиссей, который, должно быть, давно рыбами съеден в море или достался в добычу зверям или хищным птицам. Он не был погребён и оплакан матерью и отцом, и милых глаз не закрыла ему верная жена Пенелопа. Скажи мне, кто ты? Где ты живёшь? Кто твои мать и отец, на каком корабле ты прибыл в Итаку?

— Если ты хочешь узнать обо мне, — ответил ему Одиссей хитроумный, — то слушай: родом я из далёкого Алибанта. Живу я богато, зовут меня Эпиритом; я плыл из Сикании, и сюда занесло меня бурей. Свой корабль я поставил вдали от города, под лесистым склоном Нериона. Твой сын гостил у меня пять лет тому назад, мы с ним подружились и надеялись с ним часто видеться.

С грустью слушал старый Лаэрт слова Одиссея, и, опутив седую голову, он зарыдал.

Одиссей не мог выдержать больше, он был потрясён скорбью отца, бросился к нему, обнял его и, целуя, воскликнул:

— Отец, это я, твой сын Одиссей, которого ты ждал так долго. После двадцати лет горестных странствий я снова вернулся в родную Итаку! Но знай — нам время терять нельзя понапрасну. Я убил всех женихов в нашем доме, мстя им за наши обиды.

— Если ты и вправду мой сын Одиссей, — воскликнул изумлённый Лаэрт, — покажи мне знак, чтобы мог я поверить твоим словам.

— Видишь вот этот рубец, — показал ему Одиссей на колено, — след раны, нанесённой мне вепрем, когда юношей я охотился на Парнасе. Если хочешь, я могу указать все деревья в саду, которые ты подарил мне в детстве. Здесь вот с тобой я бежал по дорожке, а ты, даря мне деревья, каждое мне называл по имени. Ты подарил мне тринадцать грушевых деревьев, десять яблонь и сорок смоковниц; обещал подарить пятьдесят виноградных лоз, чьи гроздья похожи на янтарь золотой и пурпурный.

Дрогнуло сердце от радости у старика Лаэрта, и, заплакав, он обнял милого сына и вдруг лишился чувств, но могучие руки Одиссея его подхватили. Очнувшись и глядя на сына, он сказал:

— Я страшусь, что родные убитых разошлют по городу гонцов и поднимут людей для отмщения.

Но Одиссей успокоил отца:

— Лучше давай пойдём в твой дом, там и Телемах вместе с Филотием и старым Эвмеем, они, пожалуй, уже приготовили нам вкусный обед. — И они тихо направились к дому Лаэрта.

Войдя в комнату, они увидели там Телемаха и пастухов, которые в это время резали мясо и наливали в чаши вино.

Тем временем Лаэрт омылся в купальне, надел чистую мантию, и, выйдя оттуда, он стал стройней и моложе лицом.

Наконец все уселись за стол; в это время в комнату вошёл надсмотрщик над рабами Долион, вернувшийся с поля вместе со своими сыновьями.

Увидев нежданного гостя, он узнал его и застыл от изумления.

— Старик, скорее садись к нам за стол, — обратился Одиссей к Долиону, — мы уж давно здесь сидим и ждём вас, когда вы вернётесь с работы.

Подбежал Долион к Одиссею, стал его целовать и воскликнул:

— Наконец ты вернулся, наш милый, желанный! Но скажи, знает ли о твоём возвращении Пенелопа или, может быть, надо послать к ней скорее гонца?

— Она уже знает об этом, — ответил ему Одиссей.

И вот подошли сыновья Долиона, и, приветствовав Одиссея, все уселись за стол. Начался обед в доме Лаэрта, и все наслаждались вкусной едой и вином.

Бой и примирение

Разошлись вскоре по улицам города слухи про страшную месть женихам. С ропотом, с гневом сбежались родственники убитых к дому Одиссея. Они вынесли оттуда мёртвых; одних похоронили, других отнесли на корабли и повезли на родину, в другие города, и все в печали собрались на площади. И обратился Эвпейт, отец убитого Антиноя, к собранию с такими словами:

— Граждане, много нам, ахеенам, зла причинил Одиссей. Взяв лучших наших мужей с собою в поход на Трою, он погубил и людей, и все корабли. А теперь, возвратившись домой, он убил самых знатных юношей Итаки.

Я умоляю вас, граждане, пока он не бежал из Итаки в Пилос или в Элиду, выступить вместе со мной против него. Мы оставим о себе потомкам позорную память,

если не отомстим убийцам за наших родных сыновей и братьев. Не допустим же, граждане, чтобы убийцы избежали достойной кары!

Все прониклись состраданием к горю отца. Но в это время явились на площадь Фемий-певец и глашатай Медонт. Их считали убитыми вместе с женихами в Одиссеевом доме. Увидев их перед народным собранием, все удивились.

Выступил тотчас глашатай Медонт:

— Граждане, прошу выслушать моё слово. Одиссей поступил так по воле громовержца Зевса; я видел сам, как один из бессмертных, приняв образ Ментора, явился на помощь Одиссею, он возбуждал в нём бодрость и вселял страх в сердца женихов. Я видел, как метались они из угла в угол и падали в ужасе наземь.

Собравшийся на площади народ изумился, услышав слова Медонта.

Выступил тогда старик Галиферс, прорицатель:

— Приглашаю вас, граждане Итаки, выслушать слово моё. Вы сами виноваты в том, что случилось несчастье. Вы не верили мне и мудрому Ментору, когда мы вас убеждали унять своих безрассудных сыновей, грабивших дом Одиссея и наносивших обиду его жене Пенелопе. Мой вам совет: не затевайте распри, чтобы не накликать ещё бóльшей беды.

Среди собравшихся поднялись споры. Одни оставались спокойно на месте, а другие с шумом, негодуя на речь Галиферса, бросились вслед за Эвпейтом готовиться к бою. Облачившись в броню и выйдя за город, они собрались в большой отряд и направились к дому Лаэрта, надеясь там найти Одиссея.

Увидя эту грозную толпу, Афина Паллада обратилась к своему отцу Зевсу за советом, и ответил ей Зевс:

— Не ты ли сама решила, что Одиссей должен вернуться домой и своим врагам отомстить? Делай как знаешь сама. Я думаю, что отомстить женихам он имел право и должен остаться царем Итаки.

В это время Одиссей и его спутники кончали обед у Лаэрта. Встал Одиссей осторожный и обратился к друзьям:

— Надо пойти посмотреть, не идут ли они, собираясь мне отомстить?

Один из младших сыновей Долиона вышел и, увидев вооружённую толпу, которая приближалась к дому, крикнул Одиссею:

— Идут! Поспешите! Их много!

Тотчас Одиссей, Телемах и пастухи вооружились. Облачились в броню шесть сыновей Долиона и стали рядом с Одиссеем. Вооружился и старый Лаэрт, и Долион, и все вышли из дома, готовые к бою; впереди шёл Одиссей.

Он сказал Телемаху:

— Теперь, сын мой, настала пора тебе в бою отличиться и показать себя мужем, не знающим страха.

— Ты сам увидишь, отец, что славу наших отважных отцов я посрамить не желаю, — бодро ответил ему Телемах.

В это время явилась Афина Паллада в образе Ментора и, подойдя к Лаэрту, тихо шепнула ему:

— Сын Аркесия, призови на помощь Зевса, выходи на врага и метни копье наудачу!

Вышел смело вперёд старый Лаэрт и бросил, не целясь, боевое копье в толпу наступавших итакийцев.

Оно пробило медный шлем Эвпейта и смертельно ранило его в голову. И он, не успев даже крикнуть, упал навзничь.

Кинулись Одиссей и Телемах с копьями и мечами на наступавших, и много погибло бы итакийцев, если б Афина не крикнула голосом громким, спеша спасти народ от гибели:

— Люди Итаки, остановитесь, не проливайте напрасно кровь и злую вражду прекратите!

Все в ужасе от её громового голоса побросали оружие.

Одиссей кинулся преследовать их, но вдруг ослепительная молния, прорезав небо, ударила в землю и остановила его.

— Удержи свою руку, Одиссей, от пролития крови, — сказала ему мудрая Афи-

на, — или тебя поразит гневом громовержец Зевс.

И Одиссей радостно покорился совету Афины и вернулся успокоенный в город. В образе мудрого Ментора Афина помогла ему помириться с народом.

Вскоре Одиссей отправился снова странствовать в далёкие земли и страны и наконец вернулся в любимую им Итаку, где прожил с Пенелопой долгие годы.

Содержание

СКАЗАНИЕ О ТРОЕ	3
СТРАНСТВИЯ ОДИССЕЯ	15
ОДИССЕЙ У КИКОНОВ И ЛОТОФАГОВ	15
ЦИКЛОП ПОЛИФЕМ	17
ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ ЭОЛА. ЛЕСТРИГОНЫ	25
ОДИССЕЙ У ЦИРЦЕИ	30
В ЦАРСТВЕ АИДА	36
НА ОСТРОВЕ ТРИНАКРИЯ	45
ОДИССЕЙ У НИМФЫ КАЛИПСО	50
ГЕРМЕС ЯВЛЯЕТСЯ К КАЛИПСО. ОТПЛЫТИЕ ОДИССЕЯ С ОСТРОВА ОГИГИЯ. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ	51
ОДИССЕЙ И НАВСИКАЯ	54
ОДИССЕЙ У ФЕАКОВ	57

ОТПЛЫТИЕ ОДИССЕЯ В ИТАКУ	59
ОДИССЕЙ У СВИНОПАСА ЭВМЕЯ	64
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛЕМАХА ИЗ СПАРТЫ	70
ОДИССЕЙ ОТКРЫВАЕТСЯ ТЕЛЕМАХУ	82
В ДОМЕ ОДИССЕЯ	86
ОДИССЕЙ И ТЕЛЕМАХ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ГОРОД	90
ОДИССЕЙ И ЖЕНИХИ	95
ВСТРЕЧА ОДИССЕЯ С ИРОМ	99
ПЕНЕЛОПА ПЕРЕД ЖЕНИХАМИ	103
ВСТРЕЧА ОДИССЕЯ С ПЕНЕЛОПОЙ	107
СОСТЯЗАНИЕ В СТРЕЛЬБЕ ИЗ ЛУКА	114
МЕСТЬ ЖЕНИХАМ	129
ОДИССЕЙ И ПЕНЕЛОПА	139
ОДИССЕЙ У ЛАЭРТА	147
БОЙ И ПРИМИРЕНИЕ	153

П 75 **Приключения** Одиссея / Переск. Г. Петниковой ; ил. Г. Ма-
цыгина. — М. : Эксмо, 2011. — 160 с. — (Книги — мои друзья).

УДК 82-93
ББК 84.2

ISBN 978-5-699-50363-6

© Петникова М. Г., текст, 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

КНИГИ — МОИ ДРУЗЬЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДИССЕЯ

Пересказ *Григория Петникова*
Художник *Григорий Мацыгин*

Ответственный редактор *В. Карпова*
Художественный редактор *И. Лапин*
Корректор *С. Игнатова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 05.10.2011. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-50363-6

9 785699 503636 >

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение!

А. С. Пушкин

**Сказания о Трое
Приключения Одиссея**

ISBN 978-5-699-50363-6

9 785699 503636 >

ЭКСМО